

Безумный Макс. Ротмистр Империи

Автор:

[Михаил Ланцов](#)

Безумный Макс. Ротмистр Империи

Михаил Алексеевич Ланцов

Безумный Макс #2 Героическая фантастика

Наш человек нигде не пропадет! Попал в прошлое? Не беда... Прогулялся по вражеским тылам и сорвал немцам все планы начала Первой мировой, за что получил новое звание, десяток орденов и большую денежную премию! Правда, доведском к наградам пошли несколько ранений, но «на войне, как на войне», не так ли?

Минул год. Наступила весна 1915 года. Подлечившись и хорошенько подготовившись, Максим вновь «выходит на большую дорогу». Только теперь с ним тренированные бойцы отдельного эскадрона, в касках и бронежилетах, на броневиках и самоходных артустановках, с автоматами в руках! Соответственно этому выбраны цели – новый рейд запланирован на максимальную глубину.

Сумеет ли Безумный Макс загнать Кайзера под кровать, захватить Рейхсбанк и искупать германских генштабистов в Шпрее? А главное, сможет ли уйти безнаказанно после всех этих художеств?

Михаил Ланцов

Безумный Макс. Ротмистр Империи

В оформлении переплета использована иллюстрация художника И. Варавина

© Ланцов М.А., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предыстория

Наш современник увлекался военно-исторической реконструкцией Первой Мировой войны. Но на одном из выездов случилось непредвиденное происшествие. Он нажрался до изумления и заснул ряженным в форму поручика Русской Императорской армии. А когда очнулся, то оказался пряником в Восточной Пруссии образца 26 августа 1914 года. И вокруг рвались снаряды.

Но Максим не растерялся. Приняв командование над разбегающимися солдатами Императора, он начал действовать. Его летучий отряд, собранный с миру по нитке, прокатился на трофейных грузовиках в германских тылах, создав им чрезвычайные сложности. Апогеем же этого променада стал захват в плен командующего 8-й армией Пауля фон Гинденбурга и его начальника штаба – Эриха Людендорфа. Что в корне изменило узор военной операции в Восточной Пруссии, серьезно изменив ход войны.

Изначально уходить к своим Максим не планировал. Да и зачем? Ни документов, ни знакомых, ни родных. По местным законам он самовольно присвоил себе офицерский чин. И его ждет не слава, а трибунал. Однако обстоятельства так сложились, что его, раненного, вывезли в местный госпиталь.

Несмотря на изначально очень негативные ожидания, вокруг Максима в Российской Империи началась здоровая шумиха. Не без участия известного скандалиста Гучкова и части генералитета. Обстоятельства геройств Максима позволили свалить военного министра Сухомлинова, обвинив в некомпетентности, отдав под суд и выставив козлом отпущения. А Максим, на волне этих великосветских разборок, стал героем. Его перевели в элитный госпиталь в Царском Селе, а потом осыпали наградами.

Нашлись даже родственнички. Ротмистр Сумского гусарского полка светлейший князь Иван Николаевич Меншиков-Корейша признал в Максиме своего незаконнорожденного сына. Этот отчаянный мот, бабник и гуляка умудрился заделать ребеночка Елене Григорьевне Строгановой, внучке Императора Николая I.

Бред, конечно. Дивный. Но на руках у Ивана Николаевича имелась фотография сгинувшего бастарда, имевшего определенные сходства с Максимом. Не так чтобы один в один, но с натяжкой можно было узнать. Тем более что фотокарточка датировалась не 1914-м, а минимум 1907 годом. Так что наш герой, усиленно симулирующий частичную амнезию, не стал отказываться от подарка судьбы. Тем более что Меншиков-Корейша и сам верил в свою версию, уцепившись за возможность обрести законного наследника. Да еще такого лихого.

Однако Максим не был бы собой, если бы не вляпался в очень острую историю. Во время пребывания в госпитале, будучи еще безвестным поручиком, он умудрился соблазнить Татьяну Николаевну – дочь Императора. В те дни она вместе с мамой и старшей сестрой трудилась там простой сестрой милосердия. Максим не знал, кто она, а женщину хотелось. Вот и проявил лучшие гусарские качества, овладев ею прямо в госпитальной подсобке к обоюдному удовольствию. И все бы хорошо, но попадание случилось с первого выстрела – девушка умудрилась забеременеть, из-за чего парень вляпался в чрезвычайные неприятности с Августейшей фамилией...

Первая Мировая война тем временем продолжалась, исказившись в этой реальности до неузнаваемости. Действия крохотного отряда Максима сломали немцам всю партию.

Армия Ренненкампа отрезала Кенигсберг от соединений 8-й германской армии, не допуская заполнения укреплений войсками. А устоявшая и выжившая армия Самсонова контратакой вынудила отступить противника на северо-запад. Больше отступать немцам было некуда. Однако это было уже агонией. Ведь после взрыва мостов через Вислу в Дирхау они оказались загнаны в угол и лишены всякого снабжения, что довершило разгром. Дезорганизованные части 8-й армии капитулировали.

Войска Северо-Западного фронта, развивая успех, не только полностью оккупировали Восточную Пруссию, осадив Кенигсберг, но и, форсировав Вислу,

вышли к Одру в нижнем его течении. Этот маневр вынудил германские войска в Познани отойти за Одер, опасаясь окружения. Что, в свою очередь, оголило северный фланг Австро-Венгерской армии. Однако Юго-Западный фронт воспользоваться этим преимуществом не смог. В полной мере, во всяком случае. Войска Австро-Венгрии смогли остановить русских на карпатских перевалах. Очистив перед этим всю территорию королевства Галиция и Лодомерия, но удержав позиции в горах.

Восточный фронт стабилизировался по причине истощения сил у всех его участников. Сербия на юге держалась крепко и стойко, что было несложно. У Вены просто не имелось сил для наступления на Белград, ведь в ходе битвы в Галиции треть личного состава ее армии оказалась уничтожена или пленена. Из числа тех, что удалось мобилизовать к тому моменту. Но все же. Так что в Сербии было тепло, сухо и мухи никого не кусали.

Западный же фронт в 1914 году стал настоящим полем чудес.

Сначала немцы разгромили в пух и прах английские и французские армии, едва не взяв Париж. А потом, вынужденные остановиться из-за трагедии в Восточной Пруссии, едва избежали окружения сразу трех армий.

Это было даже не отступление, а энергичное бегство с потерей массы тяжелого вооружения и многочисленного обозного хозяйства. Хоть как-то стабилизировать фронт удалось только по Рейну. Здесь оборону заняли резервные части, спешно поставленные под ружье. Что позволило стряхнуть французов и англичан с плеч германских войск. Да и измотались те уже. Форсировать столь значимую водную преграду с ходу не смогли.

Таким образом, для Германии кампания 1914 года закончилась полным провалом плана Шлиффена и потерей своих территорий как на Западе, так и на Востоке. Особенно болезненным ударом оказалась потеря Восточной и Западной Пруссии с Померанией, славных обширными сельскохозяйственными угодьями. Этакой житницей 2-го Рейха.

Но главное – это чудовищные, просто невероятные потери! Генеральные штабы всех стран-участниц смотрели на кампанию 1915 года с тоской. Оно и понятно – динамика, масштаб и напряженность действий привели к тому, что потери в этом варианте истории вдвое превысили то, что было бы без вмешательства

Максима.

Это печальное обстоятельство заставило обе коалиции начать энергичный поиск союзников, пользуясь зимним затишьем. Впрочем, продержалось оно недолго. Уже в первых числах февраля Германия, пользуясь бардаком в управлении Северо-Западным фронтом, предприняла силами двух армий наступление в районе Познани.

Генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский, виновный во всем этом разладе, не сумел сделать ничего лучше, как подать в отставку «по состоянию здоровья». Видимо, поняв масштаб катастрофы. Ее не только приняли, что само по себе было не очень умно. Главкомандующий Великий князь Николай Николаевич младший пошел дальше и глубже в своих стратегических изысканиях. Он не придумал ничего лучше, чем поставить во главе фронта генерала Рузского, перебросив его с Юго-Западного. То есть человека, который не владел обстановкой на участке от слова вообще.

Пока шли эти перестановки, прием и передача дел, германцы старательно зажимали с флангов армию генерала Самсонова превосходящими силами. Спасла положение лишь масштабная и решительная атака соединений генерала Ренненкампа. Он начал действовать самостоятельно, не оглядываясь на невнятное бормотание Рузского. Тем более что Кенигсберг пал и в Западную Пруссию стали прибывать части 10-й армии, снятые с осады. Что развязало ему руки. Ценой гибели Гвардейского кавалерийского корпуса и больших потерь в других соединениях он смог остановить немцев и отбросить назад, спасая армию Самсонова от уничтожения.

Восточный фронт установился по Варте и Одере. А весь мир затих в ожидании нового 1915 года, начавшегося так бурно и неоднозначно. Ведь несмотря на значительные успехи в 1914 году, Антанта все-таки не смогла сломить сопротивления коалиции Центральных держав. Война продолжалась. Иначе. Но все равно – большая и тяжелая. Хотя и в намного более благоприятном для России ключе...

Пролог

1915 год, 3 мая. Где-то возле Царского Села

Бронеавтомобиль в сопровождении шестерки мотоциклов[1 - Массовое внедрение мотоциклов в армию произошло именно в годы Первой Мировой войны, а не, как принято считать, во Второй. Благо, что и моделей, и объема производства вполне хватало. В данном случае применялись мотоциклы с колясками.] бодро пролетел по дороге, поднимая пыльный след.

За разведывательным отделением, выстроившись боевым порядком, шла колонна 1-го отдельного лейб-гвардии эскадрона. Этакая «странная кавалерия»: грузовики, несколько бронеавтомобилей, авто-САУ и мотоциклы. Отряд выглядел так, словно заплутал во времени.

Бах! Бах!

Ухнули пиротехнические заряды, обозначающие засаду.

И тут началось.

Бронеавтомобили, прямо на ходу, свернули «мордой» на фланг нападения и открыли огонь на подавление. Бойцы же, едущие в грузовиках, посыпались на землю, рассредоточиваясь и занимая позиции.

Максим постарался выжать карт-бланш, предоставленный ему на комплектование усиленного эскадрона, по полной программе. Поэтому из каждого грузовика выскакивало не только пять рядовых стрелков, но и егерь[2 - Егерь в данном случае – это не классический снайпер-охотник, а меткий стрелок, действующий непосредственно в боевом порядке подразделения. То есть марксман. Вооружен карабином с оптическим прицелом.] да легкая пулеметная команда на два «лица».

Выгрузились. И пошли вперед. Да хитро и непривычно.

Короткой перебежкой первое звено отделения продвигалось вперед и, опираясь на легкий пулемет и егерский карабин, занимало оборону. Под прикрытием второго звена. А то выдвигалось вперед только после того, как закрепилось

первое.

Причем, что дивно, отделения действовали взаимосвязанно и учитывали взаимное расположение.

Ни на какие пехотные цепи в полный рост с примкнутыми штыками не имелось даже намек. Этой дубовой старины Максим терпеть не мог. Только короткие перебежки, только грамотное использование рельефа местности, только опора на коллективное оружие. Из-за чего два линейных взвода не только вели совсем нешуточный огонь, но и мало маячили на виду.

Император смотрел на деревянные щиты мишеней, изображающие пехотинцев противника, и только головой покачивал от того, как весело летели во все стороны щепки.

Но этим новизна не закончилась.

Выйдя к опасному участку, унтер-офицер достал сигнальный пистолет и пустил красный маркер, подсвечивая пулеметное гнездо. Очень опасно расположенное.

Минуты не прошло, как выгрузившиеся следом за бойцами отделения огневой поддержки обрушили на указанную цель серию мин. Минометных мин, в которые были переделаны фугасные снаряды 57-мм морской пушки[3 - Имеются в виду QF 6-pounder Hotchkiss, серийное производство которых с 1905 года налажено на Обуховском заводе. К 1911 году сняты с вооружения и списаны на берег, где пытались применяться хоть как-то, хоть где-то.]. А чуть погодя их поддержали с авто-САУ, где стояли минометы покрупнее, стреляющие минами, переделанными из старых 87-мм снарядов[4 - Имеется в виду семейство 87-мм пушек образца 1877 года, снарядов к которым было в достатке.].

Вперед выдвинулись два броневедомола, поддерживая наступление стрелкового отделения. И те, все теми же короткими перебежками, прикрывая друг друга, двинулись дальше. А подойдя к траншее, сначала закидали ее ручными гранатами и только потом ворвались внутрь...

Император шел по позициям полка и задумчивым взглядом смотрел на учиненный разгром. К этой демонстрации многие подключились. И многие готовились.

Шутка ли – этими, в общем-то, небольшими учениями руководил лично начальник Главного штаба Русской Императорской армии генерал от инфантерии Николай Петрович Михневич. Не напрямую, разумеется. Курировал. Но, проинспектировав вместе с Главкомандующим оборонительные позиции пехотного полка, остался более чем доволен.

– Хорошо, грамотно сработали, – отметил он.

А тут такой конфуз.

И если Михневич был немало смущен и заинтригован полученным результатом, то Николай Николаевич младший выглядел откровенно раздраженным. Сильно. И не потому, что здесь ему продемонстрировали слишком хороший результат, идущий вразрез практически со всеми российскими военными доктринами и концепциями тех лет. Нет. С этим он мог бы смириться. Все дело было в Максиме, отношении к которому у Великого князя резко переменялось после январского скандала...

Иными словами, Великий князь Николай Николаевич младший кривил морду лица как мог. А вслед за ним держали свои мысли при себе и остальные генералы. Демонстрация их чрезвычайно впечатлила, но лезть поперек командира они не спешили.

– Пустая трата патронов... – наконец процедил Главкомандующий, пнув обломок доски, имитировавший пехотинца в траншее.

И все сразу закивали, повторяя за ним.

А Император повернулся к Максиму и внимательно на него посмотрел. Все так же чисто выбрит. Все так же непробиваемое выражение лица. На слова Главкомандующего никак не отреагировал. Николай Николаевич же очевидно затирает его дело и прилюдно унижает. А он даже бровью не повел. Слово и ждал такой оценки. Хотя, наверное, ждал.

– Что скажете, Максим Иванович? – наконец поинтересовался у него Государь.

- Николай Петрович, - обратился лейб-гвардии ротмистр к начальнику Главного штаба. - Сколько человек из моего эскадрона должны были выбыть за время боя по ранению и смерти?

- Около ста человек, - взглянув на часы, ответил тот, ориентируясь на средний расход бойцов за минуту боя по опыту боевых действий.

- Это если бы они действовали в полный рост?

- Совершенно верно.

- А если как сейчас, лежа и пригнувшись да передвигаясь короткими перебежками? Силуэт же это уменьшает существенно. Ведь так?

- Так, - нехотя кивнул генерал от инфантерии.

- А если добавить к этому огонь на подавление, который не позволял противнику нормально вести огонь?

- Мне сложно сказать, - постарался уйти от ответа он.

- И все же я хотел бы услышать ответ. Он важен для оценки действий.

- Полагаю, что около тридцати человек.

- Какой процент потерь был понесен полком[5 - Стандартный германский полк по штатам 1913 года включал три пехотных батальона и пулеметную роту. Времена полковой артиллерии еще не наступили.]?

- Около шестидесяти-семидесяти процентов, - чуть подумав, ответил генерал, виновато скосившись на Главнокомандующего. Он еще и занижил показатели. Судя по визуальной картине, - восемь-девять из десяти мишеней были так или иначе уничтожены или повреждены.

- При таких потерях полк можно считать уничтоженным?

– Смотря при каких обстоятельствах... – уклончиво ответил Михневич.

– Благодарю, – кивнул он и, повернувшись к Императору, продолжил: – Попав в засаду, мой усиленный эскадрон с ходу атаковал окопавшийся пехотный полк и уничтожил его. Расход личного состава – тридцать человек.

– И очень много боеприпасов, – с нажимом добавил Николай Николаевич младший.

– Это – слабое место предлагаемой мной тактики, – охотно согласился Меншиков. – Однако опыт тяжелых боев на Юго-Западном фронте показал, что старые методы приводят к слишком большим потерям в личном составе. До четверти, а то и трети личного состава. Возможно, я не прав, но на мой дилетантский взгляд, лучше тратить бое-припасы, чем людей. Так легче для казны выходит. Ведь каждый погибший солдат больше не сможет вернуться к труду и не сможет платить подати да налоги. А нового, отрывая от нивы или станков, нужно обучать, снаряжать и как-то вооружать. Что стоит немало. Ну и опять же вырывает из хозяйственной деятельности, снижая поступления в казну. Лишние несколько горстей патронов всяко дешевле обходятся гибели любого, самого бестолкового солдата.

Сказал Максим и замолчал, отметив, что Главнокомандующий перекосялся всем лицом, словно от зубной боли. Потому как парень посмел кинуть в его огород не камень, а целую скалу. Не явно и открыто, а намеком, но настолько прозрачным, что генералы, составлявшие делегацию наблюдателей, запыхтели.

– А вы дерзкий, – едва заметно усмехнувшись, отметил Император.

– Виноват! – гаркнул и вытянулся по стойке смирно Максим.

Его Императорское Величество Николай Александрович задумался, не зная, как лучше поступить в сложившейся ситуации.

С одной стороны, он прекрасно понимал чувства дяди. Этот бастард вел себя слишком самоуверенно и вызывающе. Чего стоит только история с его дочерью. Это ведь надо?! Овладел ей, словно какой-то служанкой, прямо на тюках с тряпками в госпитальной подсобке. Если бы у него было хотя бы подозрение в насилии, то сгноил бы засранца. А так, Таня влюблена в него по уши. Да он и

сам, видимо, тоже к ней питает самые теплые чувства. Но все равно...

С другой стороны, парень опять всех удивил. Полторы сотни верст ночного марш-броска. Выход «в квадрат» в точно обозначенное время. И совершенно удивительный бой. Николай Александрович был поражен тому шквалу огня, который обрушился на позиции пехотного полка. Это было настолько же впечатляюще, насколько и ужасно. Успех, несомненный успех. Опять. Не слишком ли их много для бастарда?

Император смотрел на Максима и напряженно пытался придумать, что делать с этим человеком. Вступить в конфликт с дядей отчаянно не хотелось. Но и закрывать глаза на ТАКОЕ тоже было неправильно...

- Ваше Императорское Величество, - произнес Максим, нарушая затянувшуюся паузу. - Если я не оправдал вашего доверия, то прошу принять мою отставку. По состоянию здоровья. Все потраченные деньги я возьму из личных средств [6 - После многочисленных подарков, поднесенных по случаю чествования Максима Меншикова в ноябре 1914 года и свадебных подарков в январе 1915 года, получилась очень приличная сумма денег. Достаточная для того, чтобы перекрыть без проблем все расходы комплектования и оснащения усиленного отдельного эскадрона.].

- Хотите отсидеться в тылу? - не упустив возможности уязвить Максима, поинтересовался Николай Николаевич.

- Никак нет. Хочу последовать совету врачей и покинуть Россию.

- А Таня... - как-то растерянно, почти шепотом произнес Император.

- Она уедет со мной.

- Что?! - воскликнул Николай Николаевич, пока Государь ловил челюсть от такой наглости.

- Мы все уже обговорили и решили, - продолжил Максим, смотря не Императору, а Главнокомандующему в глаза.

Наступила вязкая тишина. Генералы старались слиться с ландшафтом и не попадаться на глаза ни Императору, ни Главнокомандующему. Ротмистр же, выдержав небольшую паузу, достал из планшетки сложенный вдвое листок. Распрямил его. И протянул Государю.

Это было прошение об отставке по состоянию здоровья, которое Максим действительно мог подать, опираясь на количество ранений. Причем написано оно оказалось почерком Татьяны. От парня там была только подпись.

- Плохо себя чувствовал, попросил супругу написать... - пояснил ротмистр.

- Ваше Императорское Величество, вы позволите? - спросил Главнокомандующий, протянувшись к прошению. Тот растерянно глянул на дядю и охотно отдал листок.

Николай Николаевич внимательно прочитал прошение, после чего медленно и со вкусом порвал его, с вызовом смотря Максиму прямо в глаза. И не пополам, а добротнo - на мелкие клочки.

- Ваше Императорское Высочество, мне нужно все же переписать его своей рукой?

- Прекратите паясничать!

- Есть прекратить паясничать! - бодро гаркнул Максим, продолжая холодно смотреть в глаза обидчику. Родственничек чертов. Хотя чего он хотел? Максим ведь по бумагам бастард, а значит, участь его печальна. Ему вечно придется испытывать на себе ненависть и презрение части родственников.

- Подготовьте подробный отчет о вашем усиленном эскадроне. Сроку - неделя, - произнес Главнокомандующий.

- Есть подготовить подробный отчет! Сдать его лично вам?

- Нет, Николаю Петровичу, - кивнул он на начальника Главного штаба да так на него глянул, что стало ясно - ничего хорошего тот ему не доложит после изучения отчета. Если вообще доложит.

Максим чуть дал слабину и пренебрежительно хмыкнул. Но Главнокомандующий этого демонстративно не заметил. Он увлек Императора разговором на отвлеченную тему и, развернувшись спиной к лейб-гвардии ротмистру, повел Николая Александровича прочь. Наш герой скопился на Михневича, но тот лишь развел руками и виновато пожал плечами. Генерал от инфантерии был поражен демонстрацией, но пойти против Главнокомандующего не смел.

Часть I

За последние семь лет я твердо усвоил одну вещь: в любой игре всегда есть соперник и всегда есть жертва. Вся хитрость – вовремя осознать, что ты стал вторым, и сделаться первым.

Художественный кинофильм «Револьвер»

Глава 1

1915 год, 5 мая. Петроград

Николай Александрович сидел за столом и работал с бумагами. Их было много. И чем больше он в них вчитывался, тем сильнее терял концентрацию.

В этот момент где-то в помещениях послышался шум. Даже ругань. Это окончательно отвлекло мужчину от букв. Он устало потер глаза. Хотел было уже встать, чтобы пройтись, как дверь в кабинет открылась, без стука, явив супругу самого разъяренного вида.

Александра Федоровна ничего не сказала. Просто молча вошла и закрыла за собой дверь. Но взгляд у нее был ТАКОЙ, что Николаю Александровичу стало не по себе.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовался он.

– Случилось? Да! Случилось! Твоя дочь в слезах! Беременная дочь! Ты доволен?

– Аликс... я... – Император растерялся от такого заявления.

– Я была у Михневича. Он просто боится за свою карьеру. И не станет давать доброго рапорта Ник Нику. А ты? Почему ты не принял отставки? Что, тоже боишься дядюшку? Максим нам всем так помог... он дал шанс Лешеньке, а ты... – уничижительно произнесла Императрица, от чего Николай Александрович потупился, чувствуя изрядную неловкость.

Максим Иванович свет Меншиков в октябре 1914 года, будучи еще безымянным поручиком, смог дать Императрице достаточно ценный совет. А именно: рассказать про идею заместительной терапии и поведать о группах крови, резус-факторе и прочих нюансах. На дилетантском уровне, конечно. Однако Вера Игнатьевна Гедройц – личная подруга Императрицы и один из лучших хирургов тех лет, идею оценила. Развила ее. Провела изыскания. Поставила опыты. И провела опытное переливание крови. Успешное.

Тем более что все к этим исследованиям было готово. Первая практика переливания крови имела место аж в далеком 1675 году во Франции. В России же с 1832 года такие опыты ставили. А в 1900 году австрийский медик открыл три группы крови. Но не прошло и семи лет, как чешский врач обнаружил четвертую группу. Так что пусть и дилетантские, но передовые сведения Максима легли на очень благодатную почву. Особенно важную роль сыграли сведения парня о резус-факторе и kell-антигене, которые в реальности еще не открыли. Реактивов и методик для их определения за такой короткий срок, конечно, разработать не успели. Но сумели экспериментально отработать методику подбора доноров с учетом этого фактора.

Императрица после успешного переливания крови и серьезного облегчения самочувствия сына неделю светилась словно неоновая лампочка. Да и сам Николай Александрович тоже искренне радовался. Это ведь получалось, что у их сына был шанс выжить.

Одним из ключевых нюансов в этой ситуации оказалось бескорыстие. Максим ведь не знал, с кем беседует. Просто поделился измышлениями без всякой

задней мысли. И не только этими. Например, он очень сильно помог в области пропаганды, предупредив Августейшую фамилию от фатальной ошибки.

Александра Федоровна не забыла о пространным разговоре и запросила подробный доклад. Парень не стал стесняться. Так что уже в первых числах декабря 1914 года в Петрограде, как грибы после дождя, повылезали «правительства в изгнании» – Баварии там, Саксонии, Венгрии, Богемии и прочих государств. И незамедлительно получили признание Российской Империи, Персии, Хивы, Сербии и Черногории. Ну и друг другом, для пущей солидности.

Казалось бы, зачем? Потехи ради? Но нет. Эти новорожденные правительства начали организовывать землячества и брать покровительство над тем или иным полком Русской Императорской армии. Что существенно улучшало снабжение части продовольствием, амуницией и прочим.

Одной лишь мобилизацией внутренних ресурсов эти правительства не ограничились. Уже в конце декабря их представители выехали в страны-союзники и нейтральные державы. А там, нисколько не стесняясь, начался сбор добровольных пожертвований, продажа долгосрочных государственных облигаций и активная пропаганда.

Эти новообретенные союзники Антанты наладили выпуск целого ассортимента журналов, буклетов и прочей полиграфической продукции. И везде отчаянно верещали на тему того, что Вильгельм II и Франц-Иосиф либо сошли с ума, либо отринули христианство и стали поклоняться дьяволу. А местами и то, и то одновременно.

Да не голословно, а с материалами о всякой мерзости, творимой этими монархами. О создании того же лагеря смерти Талергоф. Или о геноциде поляков летом 1914 года. Ну и так далее. Кровь, грязь и мерзость. И вопли – спасите немцев от этих порождений бездны!

Вся эта полиграфия активно стала распространяться не только по нейтральным и союзным странам, но и завозиться агентурой в Германию с Австро-Венгрией. Где, кстати, имела немалую популярность, упав на благодатную почву разного рода сепаратистов и националистов[7 - Германия только 40 лет назад фактически силой оружия смогла объединить северные германские государства,

а Австро-Венгрия разрывалась национальным вопросом в ключья уже давно.].

Еще интереснее стало в марте 1915 года, когда Максим по собственной инициативе подал Александре Федоровне новый рапорт. И уже через несколько дней Император начал демонстративно готовиться к принятию короны Пруссии. Ну а что? Территория исконных земель под сапогом русского солдата. Старинная столица взята. Оставалось дело за малым. Из-за чего в Берлине обострились политические колики. Ведь Вильгельм владел титулом Кайзера Германской Империи не как случайный прохожий, а как король Пруссии...

В целом – ситуация в России была намного более здоровой, чем в реальном 1915 году. Чудом, но удалось как-то переломить тот дурдом[8 - Русские немцы, даже самоотверженно сражавшиеся на фронте, могли попадать под дискриминационные законы и лишаться имущества, а их близкие высылаться в лагеря и поселения. Под удар попали все – от простых подданных до самых высокопоставленных чиновников. В результате немцы, даже изначально жаждущие победы России, стали проводником и сторонником всех сил, стремящихся уничтожить Империю и дом Романовых. Именно русские немцы, наравне с русскими евреями, и стали тем фундаментом, на котором зиждилась народная поддержка оппозиции властям. Любая.], что царское правительство учудило самостоятельно. Во всяком случае, среди простого населения в отношении к обывателям Германии и Австро-Венгрии стала пробуждаться жалость. Дескать, тяжело им живется, бедненьким, под гнетом тиранов.

Вишенкой на торте стал Распутин. Он не пережил близкого знакомства с Максимом. Не нашли общий язык. Не то чтобы он был плохим или глупым от природы. Просто не сошлись в трактовке наследия Святого Августина...

Карьера ротмистра грозила стремительно пойти в гору. Ведь все складывалось одно к одному. Но в январе 1915 года случилось ЧП. Выяснилось, что Татьяна беременна и Максим вынужден вести ее под венец. Более того, Император, спасая положение и репутацию, обнародовал сведения о тайне рождения юного Меншикова. А ведь он честно молчал, не сказав даже супруге.

О! Это надо было видеть лица Императрицы и Татьяны в тот момент...

– Что?! – ахнула Александра Федоровна с округлившимися глазами. – Правнук Николая Павловича?

Татьяна же молча переводила ошалелый взгляд с отца на Максима.

– Иван Николаевич Меншиков-Корейша и Елена Григорьевна Строганова были любовниками в конце 1888 года. Недолго. Но спустя девять месяцев родился плод их любви, о чем Елена Григорьевна и призналась Ивану Николаевичу, будучи на смертном одре. В начале января 1908 года он получил от нее письмо с фотокарточкой. Меншиков-Корейша показал их мне, умоляя позволить сохранить репутацию дамы и держать это обстоятельство в тайне. Ведь Максима она скрывала от всех, боясь огласки и осуждения.

– Ты знал? – с легким холодком поинтересовалась Татьяна.

– Нет. Я же ничего этого не помню, – ответил парень. – Мне в ноябре Иван Николаевич рассказал. Признаться, я не сразу поверил. Подумал, что он меня разыгрывает...

Поговорили.

А уже на следующий день Императору пришлось обнародовать сведения о том, что Максим – внук Великой княгини Марии Николаевны, славной своим одиозным и лихим нравом. Что только добавило немало остроты ситуации. Ведь Государь не спешил признавать парня членом Августейшей фамилии в силу морганатической природы родства и незаконнорожденности. Даже после венчания...

И грянул гром!

Общественное мнение в одночасье раскололось.

Небольшая группа Романовых, возглавляемая Великим князем Николаем Николаевичем младшим, демонстративно скривилась от «выходки бастарда». Их поддержала часть аристократов самого высокого полета. Еще неделю назад они отзывались о парне довольно тепло. А тут раз, и всё. Он стал для них мерзавцем. Хуже того – удару подверглась и молодая супруга. По столице стали гулять слухи, будто бы дочери Императора – суть обычные шлюхи, дающие всякому быдлу в подсобках.

Слышать такие сплетни было больно и обидно. Но определить точно, кому нужно «сломать лицо», не получалось. Опытный, видно. Спасало лишь то, что слухи эти были весьма непопулярны.

Бо?льшая часть дома Романовых и Высшего света отреагировала сдержанно. То есть затаилась, набрала попкорна и стала дожидаться развития этого конфликта. В то, что мужчина, взявший на шпагу штаб армии, имея всего два десятка бойцов, спустит такие обидны, не верил никто. Да и про внезапное исчезновение Распутина слухи ходили один чудней другого.

Кое-кто, кстати, Максима даже поддержал. Например, Михаил Александрович – брат императора – прислал ободрительное письмо с самыми наилучшими пожеланиями. Ротмистр ответил. Завязалась переписка. Мягкий, либеральный, но интересный и умный. Каши с ним, конечно, не сварить, но как приятель – лучше не придумаешь.

К сожалению, несмотря на то что злобствовала очень немногочисленная публика, радости это не добавляло. Очень уж высоким и крепким оказалось их положение. Из-за чего жизнь у парня стала очень острой и насыщенной – его успехи затирались, заминались и всячески гасились на самом верху. А Император стал идти против своего окружения.

Еще хуже стало после того, как в феврале 1915 года погиб Гвардейский кавалерийский корпус, включая лейб-гвардии Гусарский полк. А вместе с ним и пять братьев Константиновичей, относящихся к Максиму крайне положительно[9 - В первом томе они ошибочно были названы Великими князьями, но они являлись князьями Императорской крови, а не Великими.]. Потом, правда, выяснилось, что они в плену, но обстановку это не улучшило. Особенно в свете утраты знамени и фактического уничтожения полка, к которому ротмистр был приписан.

В принципе можно было бы и возродить всю конную гвардию. Но с этим не спешили, просто выведя полки в резерв. Распускать, кстати, тоже не торопились. Из-за чего Максим подвис в воздухе.

Понимая, что от него ждут прошение на перевод и, желательно, куда подальше от лейб-гвардии, ротмистр сделал ход конем. Он подал прошение на имя Государя с просьбой преобразовать бывший запасной эскадрон своего полка в

отдельный лейб-гвардии эскадрон. Формально – при его полку, но без упоминания в названии. Немного поколебавшись, ему это позволили. А почему нет? Чем бы дитё ни тешилось, лишь бы на глазах не мелькало. Сидит себе в Царском Селе. Возится с солдатиками да мастерскими. И пусть. Главное, чтобы подальше от дел серьезных и важных.

Но дурной ротмистр не смог качественно прикинуться ветошью и намеков не понял. Он продолжал активную деятельность. Например, с ноября 1914 года начал активную переписку с широким кругом людей. В том числе и с такими энергичными, деятельными кадрами, как Колчак, Врангель и прочие. Не говоря о своем «добром фее» – генерале Ренненкампе. С тем-то понятно – каждую неделю уходило свежее письмо в пухлом конверте. И обсуждали они совсем не мимозы с ландышами.

Особенно Максим сдружился с Колчаком, имея возможность беседовать лично. А потому и смог подбить Александра Васильевича на реализацию довольно необычного предприятия...

Дело было так.

Послушав о том, чем занимается Балтийский флот, ротмистр стал рассуждать про Цусимский синдром.

– Что? Какой-такой синдром? – удивился Колчак.

– Цусимский. Вы о нем не знаете?

– Нет.

– После серии поражений в Русско-Японской войне и, особенно, после разгрома Русского Императорского флота в Цусимском сражении моряки наши стали воевать от самой что ни на есть глухой обороны. Боятся наступления. Боятся нового страшного разгрома.

– Но позвольте! Немецкий флот же на голову сильнее нашего!

– И где он стоит?

– Это мне неизвестно, – развел руками Колчак, но весьма неуверенно.

– В Вильгельмсхафене! В Северном море! А здесь, на Балтике, у немцев и кораблей почти нет. Только легкие силы, притом в ограниченном масштабе!

Проболтали они в тот раз несколько часов. Через неделю еще раз встретились. И еще. А потом, вдохновленные своими фантазиями, заявили к командующему Балтийским флотом фон Эссену, с которым у Колчака были удивительно хорошие личные отношения...

И вот 2 февраля 1915 года однотипные броненосцы «Андрей Первозванный»[10 - ЭБР типа «Андрей Первозванный». Водоизмещение 17320/18590 тонн, длина 140,2 м, ширина 24,4 м, осадка 8,5 м. Вооружение: 4 орудия 305-мм/40, 14 орудий 203-мм/45, 12 орудий 120-мм/45, 2 десантные 63-мм пушки и 4 37-мм орудия.] и «Император Павел I» вышли малым ходом в сторону Ирбенского пролива. Их задача была проста и обыденна – прикрыть минные постановки.

В Рижском заливе к ним присоединились четыре канонерские лодки типа «Гиляк II»[11 - Канонерские лодки типа «Гиляк II». Водоизмещение 990 тонн, длина 65,5 м, ширина 10,97 м, осадка 2,13 м. Вооружение: 2 орудия 120-мм/45, 4 орудия 75-мм/50 Канэ и 3 7,62-мм пулемета «Максим».], а также группа эсминцев. На первый взгляд – все прилично и в рамках задуманного дела. Одна беда – на канонерках и эсминцах были слишком уж большие команды... и не имелось мин...

Поэтому ничего удивительного не было в том, что получившийся ордер миновал Ирбенский пролив и двинулся дальше. А уже 4 февраля, в утреннем полумраке на пляже у основания косы Пиллау, начали вылезать шлюпки. Тихо и деловито из них выбирались моряки и рассыпались по берегу, занимая позиции. Плавсредства же отчаливали и шли за следующей партией десанта, ориентируясь на хорошо заметные силуэты кораблей.

Не прошло и часа, как в восьми километрах от Пиллау на берегу скопился сводный батальон вооруженных до зубов моряков. Армейские подразделения специально не стали привлекать, чтобы меньше болтовни и резонанса. Чтобы тише шла подготовка и быстрее. Ограничились добровольцами с морских экипажей.

Заработали орудия «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I».

Удивительно бестолково спроектированные броненосцы в данной ситуации оказались очень кстати. Эти чрезвычайно перегруженные корабли обладали настолько плохой мореходностью, что на полном ходу даже в штиль зарывались в воду. Так что ходить они могли только очень неспешно. Однако для своего водоизмещения они обладали исключительным бронированием и вооружением. Что сейчас и пригодилось. Ведь идя в кильватере, они могли работать по берегу из восьми 305-мм, четырнадцати 203-мм и дюжины 120-мм пушек. Солидно? Очень. Особенно учитывая особенность береговых батарей Пиллау.

К счастью, 1930-е годы еще не наступили и немцы не успели там понастроить мощных железобетонных фортификаций закрытого типа. В феврале 1915 года русские броненосцы встречал совсем другой формат батарей. Обычный, привычный и употребляемый по всему миру. А именно: утопленные в грунт, открытые сверху просторные позиции, защищенные с фронта лишь мощными брустверами. Из кирпича.

Тяжелые фугасы начали методично вспахивать грунт подле батарей. Те стали огрызаться. Но несильно и недолго. Потому что 120-мм пушки броненосцев работали исключительно шрапнелью. Из-за чего германским канонирам было просто не подойти к орудиям. А там, где они пытались, все заканчивалось быстро и фатально.

Десантный сводный батальон моряков тем временем форсированным маршем двигался по северному берегу косы. А следом, с некоторым отставанием, шли канонерские лодки и эсминцы, готовые поддержать своих моряков из орудий, да прямой наводкой.

И вот взлетела белая ракета. Оба броненосца прекратили обстрел самой восточной батареи.

Минута покоя. Вторая. Немцы стали выбираться из укрытий.

– Ура! – заорали моряки, почти уже подобравшиеся к батарее. И атаковали ее.

Десятка полтора бойцов, деморализованных и оглушенных тяжелым обстрелом, даже толком не поняли, как их смяли. Походя. Лихо. Неловко. Но с безудержной

энергией и душой.

Дальше была следующая батарея. Потом еще одна. И фиаско. Первое фиаско. Они наткнулись на противостурмовые позиции.

Начали стрекотать пулеметы. И сводный батальон, понеся заметные потери, откатился. Но только для того, чтобы в воздух взлетели красные ракеты, указывающие цели для морских артиллеристов. Минуты не прошло, как 120-мм пушки с канонерских лодок ударили туда шрапнелью. А чуть погодя их поддержали фугасами 75-мм и 102-мм орудия. На пределе скорострельности. Подняв настоящую стену взрывов.

Пять минут обстрела, и сводный морской батальон продолжил наступление.

Взяты противостурмовые позиции. Занята следующая батарея. Но уже не так лихо. Уже в тесном взаимодействии с идущими возле берега канонерскими лодками и эсминцами. После того как сухопутные моряки так неудачно подставились под пулеметы, потеряв четверть личного состава, они стали осторожничать. Как что – красная ракета. И с кораблей по обозначенной цели прилетает настоящий рой взрывоопасных гостинцев.

Так и продвигались.

Никаких серьезных штурмов и рукопашных. Зачем? Снаряды на флоте пока имелись. Даже цитадель не смогла создать проблем. Эта старинная крепость была построена еще шведами. Но ее стены были толстыми и кирпичными. Несколько пулеметов на таких позициях могли заставить батальон умыться кровавыми слезами. Поэтому по «фортеции» отработали и броненосцы, и корабли огневого прикрытия. Из всех орудий. Десанту лишь оставалось зайти внутрь и повязать немногочисленных контуженных немцев, переживших артналет.

Пиллау был взят за три часа боя. Осторожного боя. Потери, конечно, имелись. Но в пределах ожиданий. Тем более что боевые корабли германского флота здесь не базировались. Ушли, опасаясь печальной судьбы Порт-Артурской эскадры. Как фронт отошел к Одере, так и ушли. А минные банки, поставленные в октябре-ноябре 1914-го, завершили блокаду крепости Кенигсберга. Да, какое-то сообщение по морю поддерживалось. Но исключительно малоразмерными

судами, способными проходить над минами. Так что огневой поддержки флот оказать Пиллау не мог. Не было его на месте.

Судьба крепости Кенигсберг оказалась предрешена.

После того как был протрален пролив, в акваторию вошли канонерские лодки. Они привязались к ориентирам. Установили связь с пехотой на берегу. И оказали ей самую деятельную поддержку своими 5-дюймовыми морскими орудиями. Слишком мощными для кирпичных фортов Кенигсберга.

Конечно, их снаряды не взламывали стены укреплений с первого попадания. Нет. Но восемь 120-мм орудий, работая по фокусу, довольно скоро приводили кирпичные «фортеции» в полную негодность. А малая осадка канонерок позволяла свободно маневрировать в Кенигсбергском заливе без привязки к морскому каналу. То есть заходить с удобных ракурсов.

Спустя три дня после взятия Пиллау Кенигсберг капитулировал. Очень, надо сказать, своевременно. Потому что сковывал слишком много сил. Только с падением этой крепости удалось высвободить соединения 10-й армии, оперативно перебросив их в Западную Пруссию. Что и спасло 2-ю армию Самсонова от разгрома и уничтожения.

Николай Оттович фон Эссен, командующий Балтийским флотом, проводил эту операцию на свой страх и риск. Даже не уведомив Ставку. Хотя, конечно, и не должен был. Операция вполне находилась в его компетенции.

По сути, Великий князь Николай Николаевич младший узнал о делах моряков только от командующего Северо-Западным фронтом. Да и то – когда 10-я армия уже взяла первый форт Кенигсберга и что-то предпринимать с его стороны было поздно.

Самоуправство? Может быть. Но организация связи была отвратительной. Рапорт о взятии Пиллау, например, просто не успели своевременно доставить. Хотя Главнокомандующий от этого не сильно кручинился. Ведь наконец-то удалось решить проблему с Кенигсбергом, который был как кость в..., хм, глубоком тылу.

Одна беда. Николай Оттович не забыл упомянуть о том, что план всей операции разработали в связке Колчак и Меншиков. Очень продуктивной, надо сказать, связке. Оба дерзкие, резкие и напористые, они прекрасно смогли дополнить друг друга. Морская часть плана и личное командование десантом осталось за Колчаком. Сухопутная компонента, а также схема взаимодействия с кораблями – всецело заслуга Меншикова. Который не только с бумажками возился, но и выступил инструктором сводного батальона моряков. За вклад в дело Эссен его даже представил к ордену...

Но тщетно.

Главнокомандующий отреагировал на Максима, как на красную тряпку, и постарался затереть всякое участие его в операции. А Император не решился идти против дяди. Тем более что непонятно, как было парня награждать. Ведь он уже получил все ордена, положенные ему по чину, и даже более.

Фон Эссен представил его к ордену Святого Георгия без указания степени, как и Колчака. Но Георгиевская дума, находящаяся под сильным влиянием Главнокомандующего, Колчаку дала Георгия, а Максиму – нет. Ведь ротмистру в этом случае требовалось вручить 3-ю степень, а он под него еще чинами не дорос. Да и подвиг его был важный, значимый, но не такой уж и выпуклый. Ситуация с этой операцией в Пиллау вообще получилась очень занятной. Очень многих, даже косвенно сопричастных, наградили, за исключением лейб-гвардии ротмистра Максима Ивановича Меншикова, которого убрали отовсюду из списков. Словно он и не участвовал.

Император тогда возражать дяде не стал. О чем очень пожалел сейчас, 5 мая, находясь в своем рабочем кабинете. Потому что Александра Федоровна ему это припомнила в очень резких выражениях. Она ему все припомнила...

А потом, устав отчитывать супруга, Императрица положила ему на стол письмо дочери. Страшное для Николая Александровича письмо. Ведь там Татьяна слезно просила отца прекратить их терзать и позволить уехать из России. Подальше от всей этой грязи и ненависти. И что она никогда не думала, что ее отец настолько бессердечен и жесток. И что он так ее ненавидит. И что она не виновата, что родилась девочкой. Ну и так далее...

Императрица положила «бумажку» и ушла, хлопнув дверью. А Николай Александрович остался сидеть, словно оплеванный, перед до крайности обидным письмом. Ведь Татьяна была любимой дочерью Николая...

Глава 2

1915 год, 6 мая. Петроград

Максим медленно прогуливался вдоль Екатерининского канала[12 - В 1923 году Екатерининский канал переименовали в канал Грибоедова.]. По самой набережной. Один из сотрудников Главного штаба оставил ему письмо, предлагая встречу и довольно интригующие сведения. Но опаздывал. Во всяком случае, уже прошло четверть часа с назначенного времени, а автор письма все так и не появился.

В конце концов, последний раз взглянув на часы, Максим тяжело вздохнул и направился к своему автомобилю – новенькому Rolls-Royce Silver Ghost. Ну а что? Деньги имелись. А без авто ему было крайне некомфортно. Пусть он формально и числился в кавалерии, но этот вид транспорта недолюбливал. Медленный, потный и волосатый. По сравнению с автомобилем, конечно. Если же едешь в пролетке, то и того хуже – он тебе ветры в лицо пускает. Да и вообще...

Так что, оказавшись в плену страстного желания, Максим решил обзаводиться автомобилем. А так как денег было много, не стал экономить на себе любимом и купил нечто действительно хорошее[13 - Османская Империя в 1914 году так и не вступила в войну из-за обстановки на фронтах. Поэтому доставка морем в один из портов Черного моря с последующей переправкой по железной дороге была вполне реальной и довольно быстрой.].

Rolls-Royce в те годы делал только свои первые шаги на рынке и еще не стал производителем лимузинов. Не успел. Однако компания изначально делала ставку на высочайшее качество сборки, прочность и добротность конструкции. Поэтому из ее цехов выходили хоть и не лимузины, но уже очень дорогие и необычайно хорошие, надежные автомобили. Настолько замечательные, что

именно их платформа оказалась самой удачной среди легковых авто, идущих на переделку в бронеавтомобили[14 - Из Rolls-Royce получались одни из лучших бронеавтомобилей Первой Мировой войны.].

Правда, в чистом виде этот «пережиток старины» Максим не оставил. Выкупил в Петрограде большой сарай на окраине и начал собирать команду рабочих для реализации своей задумки. Сложнее всего оказалось найти сварщиков. С электросваркой не сложилось совсем – ее было мало и практически вся задействована на флоте. А вот специалиста по газовой сварке удалось выцепить на Ижорском заводе. Особенно ценными специалистами сварщики в те годы не считались, потому что сварку применяли крайне ограниченно[15 - Инерция и предубеждения по внедрению сварки были невероятны. Ну и проблемы с армиями рабочих-клепальщиков.].

Главной задачей Максим видел изготовление нормального закрытого салона и кенгурятника с отбойниками. Чтобы в случае необходимости можно было двигать всякие предметы, не боясь повредить автомобиль. Кроме того, для полноты картины он прицепил на бампер за защитной дугой простенькую ручную лебедку с тросиком. Да и вообще – «разукрасил» свой Rolls-Royce до неузнаваемости.

Ну и, разумеется, ротмистр не забыл вставить в дверцы и спинки сидений листы стали Гадфильда[16 - Сталь Гадфильда – содержит 11— 4,5 % марганца и 0,9–1,3 % углерода. Отличается высоким сопротивлением износу при больших давлениях или ударных нагрузках. Из-за чего, в том числе в годы Первой Мировой войны, шла на изготовление британских пехотных касок. Производство стали началось в 1882 году в Великобритании.]. Да и лобовая проекция тоже оказалась ими же прикрыта. Жаль только толстые бронестекла не было возможности поставить. За неимением. И как сделать – Максим не знал.

Переделал свой Rolls-Royce. Проникся. И решил не останавливаться. Тем более что подоспело Высочайшее повеление на формирование отдельного лейб-гвардии эскадрона. Так что ребят нашлось чем занять и дальше. Теперь, правда, за казенный счет, ведь Император согласился оплатить все это удовольствие из своего кармана.

Автомастерская начала трудиться на доработке грузовиков для армейских нужд и переделкой их в бронеавтомобили и авто-САУ. А применение автогена и газовой сварки радикально ускорило и упростило работы. Ведь клепать в

неудобных проекциях ничего было не нужно, да и раскройка листов металла стала очень быстрой и простой. Из-за чего темп работ в мастерской по выделке того же броневедомобиля выходил в пять и более раз выше, чем на том же Путиловском заводе.

Но Максим не был бы самим собой, если бы остановился на достигнутом. Он стал расширять свое детище. Ему для своего эскадрона требовались и стальные каски, и гранаты, и противоосколочные жилеты, и многое иное. Откуда все это брать? Вот он и налегал на раздачу заказов частным столичным мастерским да собственные усилия. Можно было бы, конечно, обратиться на заводы, но это могло спровоцировать очень серьезные проблемы. Высокопоставленных недругов у него хватало. Могли начать вопить о том, что он, дескать, срывает поставки фронту. Поэтому он использовал только незадействованные, бесхозные мощности, так сказать...

И вот Максим подошел к автомобилю. Открыл дверь и ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Как? Совершенно непонятно. Просто показалось. Оглянулся и обнаружил в трех шагах от себя незнакомого блондина.

Мгновение.

Лицо незнакомца перекосила гримаса не то ярости, не то злости. А его рука потянулась за полу френча, пытаясь что-то выхватить из-за пояса.

Максим сорвался с места, подсознательно, чуть ли не рефлекторно ощутив смертельную опасность.

Шаг. Еще. Еще.

Вот он схватил за предплечье руку с пистолетом, фиксируя ее. А всем телом, двигаясь по инерции, развернулся и прописал локтем в лицо этому блондину.

Тот дернулся и выжал спусковой крючок. Выстрел. Пуля ударила в камень брусчатки, расплескивая свой свинцовый сердечник. А следом упал пистолет. Не готовый к выстрелу, блондин выронил свое оружие. Да и вообще как-то потерялся от реакции жертвы.

Максим же краем глаза заметил еще одного «убийцу», только уже рыжего. Тот с таким же перекошенным лицом лез под полу френча. Слишком далеко. Не успеет он его заблокировать. Поэтому ротмистр, крутанув руку блондина, заламывает ее, заводя за спину. А потом, прикрываясь телом нападающего, словно живым щитом, атаковал рыжего. Ведь блондин практически не сопротивляется, шокированный ударом и стремительностью расправы.

Рывок вперед.

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Рыжий пытается «поймать» Максима в те моменты, когда он выглядывает из-за блондина. Кто-то за спиной вскрикнул. Видимо, зацепило шальной пулей.

Но вот остался шаг. Второго стрелка почти удалось прижать к чугунной ограде. Ротмистр со всей силы толкнул своего блондина, используя его как снаряд. Но рыжий в последний момент увернулся, развернувшись и отступив в сторону.

Блондин, ударившись о парашют, по инерции его перелетел и рухнул в воду Екатерининского канала. А рыжий с безумным лицом, перекошенным злорадной ухмылкой, начал разворачиваться к Максиму. Ведь его больше никто не прикрывает.

Но поздно.

Сначала парень заблокировал руку с пистолетом, не давая навести оружие на него. А потом ногой со всей дури ударил противника по яйцам. Раз. И бедолага, уронив оружие, свалился на брусчатку, пронзительно подвывая тоненьким голоском. В общем – ему стало резко ни до чего. Видимо, удачно попал.

Максим же, понимая, что все еще, может быть, не кончено, окидывает холодным, жестким взглядом периметр. Но вокруг лишь испуганные барышни да взволнованные мужчины. Ну звуков множество: визг, писк, крики, причитания...

Расслабился он. Обленился. Потерял бдительность. Перестал всюду с собой таскать пистолеты. Начал оставлять их в автомобиле. Только уставную шашку для вида на поясе носил. Но рефлексов на ее использование у него не было. Так

что она ему была больше для декорации.

Подбежал запыхавшийся городской с испуганным лицом. Он все видел, но не успел вмешаться. Слишком быстро произошел инцидент. Слишком далеко он находился.

– Вылавливай этого, – кивнул Максим на канал, где кто-то отчаянно плескался. Видимо, не очень хорошо умея плавать. – И надо выслать наряд на конспиративную квартиру к ним.

Ротмистр сделал пару шагов и, пнув рыжего в живот, поинтересовался:

– Где у вас конспиративная квартира?

В ответ же услышал лишь мат и оскорбления в свой адрес. Но не растерялся. Спокойно взял его левую руку за кисть. А потом ударом ноги сломал в локте эту конечность. Словно палку. Раз и готово. Только кости наружу торчат.

Взвыл рыжий от такого обращения. Но ненадолго. С целью повышения готовности к продуктивному общению Максим прописал ему интенсивный массаж тестикул носком сапога... с размаху. Что немедленно и исполнил. Отчего парень скорчился, перейдя к пению в беззвучном режиме. Вроде и кричит, и вон, даже рот открыт, а звуков нет.

– Повторяю вопрос. Где у вас конспиративная квартира? – повторил ротмистр свой вопрос, когда парень немного отошел.

Тот прохрипел адрес. После нового пинка сообщил, сколько там человек. И вообще охотно поделился оперативными сведениями.

– Все понял? – спросил Максим у городского.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – Тот был приятно удивлен и шокирован тем, как этот боевой офицер быстро и просто расколол обычно неприступного «борца за правое дело». А потом осторожно добавил: – Лихо у вас вышло. Может, он вам расскажет о том, из какой организации?

- Этот? - удивился Максим. - А он разве не простой разбойник?

- У меня убеждения! - прохрипел рыжий.

- Все твои убеждения - на мухоморах замешаны! Ты изменник, враг народа и идиот! - рявкнул Максим. А потом продолжил, понимая, что раз уж на то пошло, надо поработать и на публику. - Изменник, потому что вышел против верного слуги Императора. Враг народа, ибо напал на офицера во время войны. То есть стремился приблизить поражение нашего Отечества. И ввергнуть всех этих людей в ничтожество! - громко произнес ротмистр, делая широкий жест. - Ибо горе побежденным! А идиот, потому что напал на боевого офицера. Или ты думаешь Георгия и Владимиров с мечами мне повесили за красивые глаза? Олигофрен обкуренный!

- Олигофрен? - спросил кто-то из толпы. - А что сие?

- Олигофрения выражается в умственной отсталости по причине патологии головного мозга. Грубо говоря - дурак не потому, что не учился и не развивался, а потому что таким уродился. Ну а как иначе? В «борцы за народное счастье» идут либо дураки разного толка, либо откровенные мерзавцы. Честному и здоровому человеку там делать нечего.

Высказался и посмотрел на часы. Потом на этого скрюченного дельца на мостовой. И спросил городского:

- Как скоро по адресу прибудет наряд?

- Не ранее чем через час, ваше высокоблагородие.

- Эх... разбежаться могут.

- Почему?

- Как почему? Ты третьего видишь? Я слышал, что они тройками работают. Или его не было, что вряд ли. Или он побежал предупреждать своих. Ладно...

Сказал Максим и, схватив рыжего за здоровую руку, потащил его по мостовой к автомобилю. Открыл багажник. Загрузил его туда, словно мешок с картошкой. Закрыл крышку. И бросил городовому:

- Поеду, навещу разбойничков. Но наряд все равно высылай...

Спустя десять минут в дверь конспиративной квартиры постучали. Ее порывисто открыл какой-то черноволосый мужчина. Но только для того, чтобы поймать в объятия затравленно озиравшегося рыжего подельника. А следом зашел Максим с пистолетом в руке и не предвещающей ничего хорошего улыбкой...

Наряд полиции спешил как мог, но все равно не успели. Когда они подъехали, ротмистр стоял на улице, прислонившись к своему автомобилю, и с интересом листал какой-то журнал. А чуть в стороне лежал сжавшийся в комочек человек и с ужасом смотрел на Меншикова. Тот самый третий, который действительно пытался предупредить своих подельников.

Начальник наряда доложил и получил пачку листов с чистосердечными признаниями практически всех участников данной банды. За исключением канального пловца и курьера-бегуна. Один был на руках у полицейских, а со вторым Максиму было лень возиться. Да, признания были на изрядно помятой и местами заляпанной кровью бумаге. Но они были. И письменные. Что существенно упрощало расследование.

Сами разбойнички оказались на третьем этаже. Они сидели, забившись в дальний угол комнаты. Помятые и испуганные. Когда же их попытались вывести – сопротивлялись как могли. Ведь Меншиков им запретил покидать помещение. И вздохнули с некоторым облегчением, только поняв, что Максим Иванович сел в свой автомобиль и уехал...

Участковый пристав вышел на улицу, наблюдая за тем, как задержанных грузят в подводу. Закурил папиросу и усмехнулся. Он никогда не видел и не слышал, чтобы кто-то мог так быстро смять этих «борцов за правое дело». Не сломать. Нет. А именно смять. В фарш. В кашу. Не без членовредительства. Переломов и побоев на них не счесть. Но пристав был уверен – теперь они расскажут всё. Просто потому, что не захотят снова встретиться с Меншиковым...

Максим же поехал к себе на квартиру приводить себя в порядок. Немного пострадала форма. Порвалась в одном месте и запачкалась кровью. Да и весь слегка растрепался. В таком виде барражировать по окрестностям было просто неприлично.

Умылся. Привел себя в порядок. Обработал несколько мелких царапин, полученных во время «интенсивной беседы» с разбойниками. Пере-оделся в запасной комплект и решил навестить супругу в Зимнем. Слухи-то наверняка скоро донесут печальные известия. А беременной женщине волноваться не нужно. Но не успел. Кто-то очень оперативно наябедничал. Поэтому, когда Максим вошел, Татьяна вскочила и с радостными слезами на глазах бросилась обниматься. С уже немаленьким таким животом наперевес.

Посидели. Он постарался как можно ее успокоить. Поиграл на гитаре и фортепьяно всякие приятности. Максимально безобидно пересказал события. Дескать, одного разбойничка выкинул в канал, а второму морду набил.

Она успокоилась. Умиротворилась. Поэтому он решил поехать в Царское Село. Там стоял его отдельный эскадрон. И его боевой товарищ Лев Евгеньевич Хоботов, узнав о нападении, мог бы взбаламутить людей. Чего доброго, еще в ружье поставит и на Петроград поведет. Он мог. Теперь мог. После той кровавой прививки глубоко интеллигентный и либеральный выпускник-философ Императорского Санкт-Петербургского университета мог очень многое. Прямо бешеный воинственный хомяк-переросток!

Впрочем, не только он. Максим подтянул в эскадрон всю свою старую команду, пережившую рейд. И надо сказать, что ее тоже недурно отметили. Так, прапорщик Хоботов стал поручиком, обретя Анну 4-й степени, Станислава и Анну 3-й степени с мечами и бантом, но главное – Святого Георгия 4-й степени. Солидно, но вполне заслуженно.

Младший унтер-офицер Васков обрел не только звание фельдфебеля, но и натуральный иконостас из полного пакета Георгиевских медалей, Аннинской медали и четырех солдатских Георгиевских крестов. Ему выдали практически всё, что могли выдать нижним чинам. Могли бы и меньше, заменив школой прапорщиков и производством в офицеры. Но Федоту Евграфовичу отчаянно не хватало образования. Он читал еле-еле, буквально по слогам, а писал так и вообще – жуть, так что пройти обучение в школе прапорщиков не мог.

Остальных участников тоже не обидели. Даже немцев, чеха и поляка. У каждого теперь минимум висело по Георгиевской медали, а также по солдатскому Кресту. В общем – красавцы-мужчины. Да еще и обещанной Максимом премией их не обделили. И тех, кто погиб, тоже, переслав ее родичам.

Однако на ступеньках Зимнего дворца его перехватил запыхавшийся фельдъегерь. Вид у бедолаги был, словно у загнанной лошади. Видимо, уже с ног сбился, ища его.

– Ваше высокоблагородие, вам пакет, – произнес он и протянул конверт весьма скромной пухлости. Все выглядело так, словно там лишь один листок, сложенный вдвое. Максим к таким письмам как-то не привык. Там, в XXI веке бумаги марать уже не любили. А здесь предпочитали масштабные портянки. Поэтому ротмистр незамедлительно вскрыл конверт и со скепсисом прочитал краткое послание.

На арену наконец-то вышла бабушка супруги. Он видел ее всего лишь раз. На венчании. Она посетила церемонию и даже поздравила новобрачных. Но как-то без огонька. Впрочем, и не кривилась. Бабулька держала нейтралитет и наблюдала. А тут не усидела. Пообщаться ей, видите ли, захотелось.

«Может, ну ее к черту?» – промелькнула у Максима дурная мысль. Но он от нее отмахнулся. Поблагодарил фельдъегеря. Сел в автомобиль и по-ехал в Гатчину.

В обычное время от Зимнего до Гатчины можно было добираться спокойно полдня или даже больше. Пока в пролетке доедешь до вокзала. Пока сядешь в поезд. Ну и так далее. Но Максим был за рулем отличного автомобиля, поэтому уже через час оказался у парадного входа Гатчинского дворца.

Его ждали.

О том, кто такая Мария Федоровна, он никогда бы и не узнал, если бы не увлекся военно-исторической реконструкцией Первой Мировой войны. Точнее, она осталась бы в его памяти как очередная бесцветная супруга проходного Императора России. Но, разобравшись, Максим сильно поменял свое мнение о ней...

Александр III свет Александрович, несмотря на злобную революционную пропаганду, изображавшую его тупым держимордой, был добрым, мягким увальнем и классическим подкаблучником, которого крепко держала в своих миниатюрных лапках его супруга. Очень изящная дама. С детства ее не готовили управлять государством, но пришлось. Потому что ее супруг оказался совсем к этому не способен.

Женщина действовала в рамках своего разума, испытывая немалые проблемы от нехватки образования и эмоциональных перегибов. Однако же именно она стала автором промышленной революции России в конце XIX века. Именно благодаря ей появилась Транссибирская магистраль. И Русско-Японская война за контроль над китайскими рынками сбыта «вылупилась» тоже благодаря ее усилиям.

Мария Федоровна даже после смерти своего царственного супруга сохранила немалое влияние, создав фактически второй центр сил Империи. Второй двор. Из-за конкуренции с Александрой Федоровной за влияние на Николая.

Эта женщина обладала далеко не абсолютной властью, всегда действуя исподволь, с помощью других людей. Она стала настоящим серым кардиналом, который фактически и правил Российской Империей последние полвека ее существования. Этаким Ришелье в юбке. И вот теперь Максим сидел напротив нее за изящным чайным столиком...

– Что с вашим лицом? – поинтересовалась она после завершения ритуальных фраз приветствия. От взгляда Марии Федоровны не укрылась свежая царапина на его лице.

– Покушение, – как можно более обыденным тоном ответил ротмистр. – А потом пришлось поучаствовать в задержании разбойничков. У меня автомобиль, а полиция не успевала со своими гужевыми упряжками. Разбойнички могли разбежаться.

– Покушение? – переспросила она, немало удивившись.

– Так точно. Полагаю, что завтра в газетах напишут, – ответил парень, и она кивнула, принимая нежелание Максима беседовать об этом. После чего перешла к более интересной теме.

– Мне сказали, что вы нашли способ вылечить моего внука. Это так?

– Это преувеличение. Я предложил способ не вылечить, а облегчить ему жизнь. Но метод разработала Вера Игнатьевна Гедройц. Это всё ее заслуга. Мое участие ограничилось лишь дилетантскими измышлениями, которые, к счастью, оказались верными.

– А Вера Игнатьевна настаивает на том, что она всего лишь проверила ваши тезисы.

– Не обращайтесь внимание. В ней говорит излишняя скромность. Она удивительная умница. Побольше бы нам таких врачей. А я? А я – дурак. Подвел и Цесаревича, и Его Императорское Величество.

– Вы?! Как же?

– Вы же знаете, что злые языки называют Николая Александровича «кровоавым». Глупость. Но иной раз проскакивает, особенно среди злопыхателей. А после моего венчания с Татьяной всех дочерей Государя стали называть шлюхами. Думаю, те же самые люди. Так что, я не удивлюсь, если Цесаревича вскорости обзовут «кровососом».

Мария Федоровна нахмурилась и недовольно поджала губы. Действительно, неприятная ситуация. Максим же, выдержав паузу, продолжил:

– Полагаю, что единственный шанс спасти положение – дать большую статью в газетах, где поведать о новом открытии в медицине. Сказать, что Цесаревич был добровольцем, испытавшим всё на себе. А потом начать делать переливания крови по медицинским показаниям солдатам и офицерам на фронте. Первым же демонстративно кровь сдать членам Августейшей фамилии. Например, дочерям Государя или самому Николаю Александровичу. А каждому солдату и офицеру, которому станут кровь переливать, не говорить, чью ему залили. Что позволит ему тешить себя мечтами о том, что именно ему попала августейшая кровь. Что он теперь лично обязан своей жизнью...

– Хм... – разгладившись лицом, довольно хмыкнула Вдовствующая Императрица, по-новому рассматривая Максима. – А кто станет автором открытия?

– Так Вера Игнатьевна Гедройц. И... хм... Александра Федоровна, как ее ассистент и самый деятельный помощник. У нее слишком низкая популярность в народе. Этим шагом, полагаю, можно будет ее поднять.

– Вы считаете? – усмехнулась Мария Федоровна.

– Я знаю, что вы с ней не в ладах. Но ситуация критическая. Идет последовательная атака на Николая Александровича и его семью. А Россия не Франция. Да и времена ныне не славны куртуазными манерами. Если уж начнут махать табакеркой, то пока все кровью не зальют, не успокоятся...

Мария Федоровна остро глянула ротмистру в глаза, но промолчала. Намек прозвучал настолько прозрачный, что понять его как-то превратно было очень сложно. Грубо говоря, Максим прямо заявил Вдовствующей Императрице о том, что кто-то из дальних родичей готовится учинить дворцовый переворот...

Но Мария Федоровна ничем, кроме этого взгляда, не выдала своей бурной эмоциональной реакции. Более того – перешла к беседе на отвлеченные темы, никак не связанные с делами Августейшей фамилии и Империи.

С час они мирно пообщались. Выпили чаю. Скушали по печеньке. И вообще довольно приятно провели время. Во всяком случае, Максиму понравилась эта бабулька. Умная, властная, остро мыслящая. Ему было с ней легко. Более того, он понял, в кого уродилась его Танечка. Зачем она его вызывала? Так просто познакомиться и посмотреть, что он за человек. Слишком уж значимую роль он стал последнее время играть в жизни Августейшей фамилии. Вот и воспользовалась благовидным предлогом.

Глава 3

1915 год, 9 мая. Петроград

Покушение не удалось утаить. И столица взорвалась!

Максим не стал стесняться и отмалчиваться. И охотно дал пару интервью, много и со вкусом рассказывая о произошедшем...

Его Императорское Величество Николай II свет Александрович особым актом подтвердил факт рождения Максима Еленой Григорьевной Строгановой, дочерью Великой княгини Марии Николаевны. В Августейшую фамилию он его, разумеется, не включил, даже после венчания со своей дочерью. Характер родства не позволял[17 - Мария Николаевна вступила в мorganатический брак с графом Строгановым, а Елена Григорьевна так и вообще пригуляла Максима на стороне, породив бастарда. Такое крайне не приветствовалось у аристократии.]. Но факт высокого происхождения был вынужден обнародовать для спасения репутации Татьяны. Дескать, его дочь выходит замуж не за кого попало, а за правнука самого Николая I.

В высшем обществе этот шаг привел к расколу. А вот простой народ отреагировал очень живо и позитивно. Ведь выходило, что Максим – царевич, пусть и седьмой воды на киселе. Геройский. Лихой. Ну и так далее. Так что он прекрасно стал вписываться в образ Бовы Королевича[18 - Бова Королевич – популярный фольклорный образ в России с XVI по XX век. Происходит из французской поэмы XV века *I reali di Francia*, четыре из шести книг которой посвящены *Vuovo de Antona*. Ее привезли в Россию, перевели, и она так пришла по вкусу нашим людям, что на протяжении четырех веков породила массу фольклорных и литературных текстов, развивающих первоначальную франшизу.] – безумно популярного в те годы фольклорного персонажа. Ни один из героев-богатырей с ним не мог тогда сравниться. Повести, рассказы, сказки, присказки, лубок – как примитивный комикс и так далее. Прямо Супермен или Капитан Америка в местном колорите.

Данное материальное воплощение фольклорного персонажа людям очень понравилось. А потому стало бытовать и множиться. И то, что ротмистр раскидал вооруженных террористов голыми руками, прекрасно легло в канву образа.

Максим же, как скотинка наглая и дерзкая, охотно подливал масла в этот огонь. Более того – стал распускать про себя подходящие анекдоты. Дабы закрепить и развить образ, переделывая всякого рода шутки из будущего. Вроде баек про Чака Норриса. Ну и другие, разумеется.

Зачем?

А что реально он мог противопоставить Николаю Николаевичу и его союзникам? Интриги? Не тот вес пока. Револьвер? Увы. Убийство этих гадов сыграет против него. Подмочит репутацию так, что не отмоешься. Это пока он лихой царевич, крушащий врагов одной левой. А потом кем станет? Нет. Так нельзя. Поэтому ничего лучше, нежели опираться на народную любовь, Максим не придумал. И старался изо всех сил ее раздуть и подогреть.

Поэтому он не только правильные анекдоты и шутки про себя распускал, но и охотно зарабатывал репутацию иными способами. Например, с января 1915 года он успел записать сорок семь пластинок[19 - Пластинки в те годы были достаточно короткими. Самые долгоиграющие позволяли сделать запись продолжительностью до пяти минут.] с музыкальными композициями на фортепьяно и гитаре. Новых. Незнакомых. Непривычных. И необычайно интригующих. Еще бы! Новое слово в музыке!

На волне общего интереса к новизне, вплоть до увлечения чудовищными экспериментами в поэтическом и изобразительном искусстве, его композиции пошли просто на ура. За эти четыре месяца вся мало-мальски цивилизованная Россия узнала нового композитора с простым и предельно скромным псевдонимом Maximus[20 - С латыни maximus переводится как «самый большой, величайший»]. Что, в свою очередь, принесло ему не только очередной виток славы и народной любви, но и деньги. Много денег. Ведь пластинки отлично продавались и уже отгружались даже за границу.

Дальше больше.

Несмотря на негативные ожидания Ивана Николаевича Меншикова-Корейши, Максим был довольно тепло принят своими единоутробными братом с сестрой. Они ведь были сиротами и оказались рады появлению еще одного брата, который, ко всему прочему, и не претендовал на скромное наследство мамы. Более того, оказалось, что Софья о нем и раньше знала. И даже видела пару раз.

Острый момент. Ведь парень прекрасно понимал, что он самозванец. Однако Софья Владимировна видела «его» совсем юным, и общая схожесть, вкупе с декларируемой амнезией, вполне спасали положение.

Брат отнесся к нему тоже радужно. Особенно из-за интереса со стороны тестя – генерал-майора свиты Александра Дмитриевича Шереметева. Граф был просто

счастливым сойтись с «новым словом в музыке». Ведь он не только возглавлял Музыкально-историческое общество в Петрограде, но и управлял Государственной Императорской инструментально-хоровой капеллой. Со всеми вытекающими...

А еще были патенты на «изобретения» и кое-какие перспективные коммерческие проекты, оформленные, впрочем, на супругу. Ведь офицерам нельзя было состоять в акционерных обществах и прочих предприятиях. Но как дела делаются, Максим прекрасно знал. Насмотрелся в свое время. В общем – вертелся и крутился, как мог, с прямо-таки ужасающей для местных энергией и скоростью. На своем Rolls-Royce он, казалось, успевал всюду. Вот и сейчас – приехал поутру из Царского Села. Зашел в кабинет к Михневичу. Доложился. И положил подробный отчет, написанный по его просьбе Хоботовым. Лев Евгеньевич прекрасно знал, как подобные «бумажки» составлять, а потому не отказал своему командиру в помощи.

– Вы же понимаете, что я не смогу подать положительный рапорт? – осторожно спросил генерал от инфантерии, пряча глаза.

– Понимаю, – ответил Максим.

– Я лично – очень впечатлен. Но... – развел он руками.

– Николай Петрович, я все отлично понимаю, – повторил Меншиков максимально нейтральным тоном, старательно избегая любых эмоций. Из-за чего Михневич почувствовал себя еще более неловко.

Почему Главнокомандующий так невзлюбил своего родственника, он не знал. И заводить этот разговор не спешил. Видел, не раз и не два, бурные реакции Николая Николаевича. Тот плохо владел собой и часто срывался на крик, угрозы и оскорбления. Жил эмоциями. Сгоряча мог и больших дел наворотить. А рисковать своей головой генерал не спешил. Нет. Он был не трус. Просто не понимал, с какого бока к Великому князю в этом вопросе подойти. Вот и не рисковал попусту. Все-таки штабист, а не лихой рубака.

Но и просто так ротмистра Михневич не отпустил.

Усадил. Напоил чаем с баранками. И занял альтернативным вопросом – наработками в области снаряжения и вооружения, что Максим выдумал для своего эскадрона. Образцы и описания Максим уже передал Михневичу. Не мог не передать. Иначе бы ему патентов не выдали. Вот Николай Петрович и решил акцентировать на них свое внимание. Ведь этот вопрос ему никто не запрещал прорабатывать...

Всего за квартал Максим успел налепить немало интересных вещей. Например, стальной шлем. Для нужд эскадрона его изготавливали выколоткой по дубовой оправке[21 - Так как применялась марганцевая сталь Гадфильда, то выколотка проводилась с прогреванием участков паяльной лампой на механических кузнечных молотах.]. Долго и мучительно. Но этой воинской части много и не требовалось. Но ротмистр отметил Михневичу, что выбрал форму шлема[22 - Он остановился на СШ-36, но без гребня. Добавив к нему массу приятных новшеств из будущего, например подвеску типа парашют, Y-образное крепление подбородочного ремня и многое другое. Почему Максим взял не каску Адриана? Потому что она имела чудовищно низкую технологичность. Почему не каску Броди? Из-за бестолковости. Почему не германский Stahlhelm? По идеологическим соображениям, не забывая о рефлексиях читателей.] так, чтобы ее легко можно было производить горячей штамповкой[23 - Эпоха промышленной штамповки стальных изделий началась в 1846 году с производства первого парового пресса. К 1914 году горячая штамповка стальных изделий применялась уже массово. Эра холодной штамповки наступила в 1930-е годы с массовым внедрением электрических печей в черную металлургию и серьезного повышения качества стали.]. Массово. И довольно дешево.

А легкий противоосколочный жилет? Ничего необычного, сложного и дорогого. Просто крепко стеганая брезентовая накидка, утягиваемая боковыми «ушами» с застежками на пузе. Да с особой подбойкой на плечах для лучшего распределения веса. Казалось бы, что такого? Но на опытных стрельбах шрапнельные шарики ее тупо не пробивали. Во всяком случае – от снарядов самых ходовых калибров. Да и мелкие осколки не брали. Веса – слезы, стоимость – копейки, а пользы – вагон.

По статистике около восьмидесяти процентов ранений наносилось не крупными осколками, пулями и штыками, а медленными и слабыми шрапнельными шариками да легкими осколками. То есть данный жилет идеально соответствовал правилу 20/80[24 - 20/80 – 20 % усилий дает 80 % результата,

остальные 80 % усилий дают еще 20 % результата.]. А в сочетании со стальным шлемом, грозил сократить потери в живой силе в два-три раза. И не в окопах, а в поле. В окопах так и вообще в четыре-пять раз!

В общем, разговор получился обстоятельный и довольно интересный. И долгий.

Но ничто не вечно.

Самым наглым образом подкрался полдень, и Максим был вынужден откланяться. Дела. И так провел у Михневича много больше времени, чем планировал.

Однако возле хорошо узнаваемого Rolls-Royce стояла пара лейб-казаков конвоя. Которые и передали ему очередной вызов в Зимний дворец. Он зачем-то понадобился Императору. Впрочем, у Максима никакой радости от этого известия не возникло. Скорее чувство досады, граничащее со злостью. Парень ненавидел, когда его планы летят коту под хвост из-за чьей-то прихоти, а не объективных причин. А тут получалось, что сначала Михневич испугался. А теперь вот царь от дел отвлекает...

Но Николай Александрович не мог больше тянуть или игнорировать. Слишком горячая обстановка создалась у него внутри семьи. Да и столичная обстановка не располагала к высиживанию. Однако зашел Государь издалека, поинтересовавшись коммерческой деятельностью офицера Русской Императорской армии. Максим не растерялся и не стал оправдываться. Он честно и прямо сказал, что да. Есть такое дело. И что он, выполняя приказ Императора, изыскивает все возможные способы для снаряжения эскадрона. Да и оформлено все на супругу, так что юридически нет никаких нарушений...

– Иначе было нельзя? – поморщившись, поинтересовался Николай Александрович.

– А как иначе? Вы же сами видите, что происходит. За что ни возьмусь – все душат и стараются завернуть. Или вы думаете, я почему к Эссену через Колчака пошел?

– Сидели бы вы тихо... – тяжело вздохнув, произнес Император. – Лет через пять-шесть все бы и утряслось.

- У нас нет пяти-шести лет, - горько усмехнулся Максим.

- Что вы имеете в виду?

- Начну издалека. Вы знаете, сколько стоила революция 1905 года?

- Чего? - недоуменно переспросил Император.

- Рассказываю. Революция 1905 года обошлась заказчикам примерно в пятьдесят миллионов рублей. И провалилась она не потому, что войска задавили бунтовщиков. Нет. У заказчиков просто кончились деньги. Неверно рассчитали смету. Не учли воровство на местах. Для вас это новость?

- Да... - пораженно ответил Император.

- Значимую сумму на революцию выдал Яков Шифф. Вы о нем, я полагаю, прекрасно слышаны. Но он не перекрыл и трети расходов. Основным источником доходов для революционеров стала Русско-Японская война. Вы ведь слышали историю о том, что в те годы делал Ухач-Огорович и его добрый фей - Куропаткин? Из-за той истории еще Столыпина убили. Что? Опять я вас удивил? Как же так? Неужели вы думали, что все эти недалекие люди с револьверами действуют самостоятельно? Зря. Очень зря. Думать сами революционеры могут все что угодно. Но на деле они всегда лишь пешки в игре того, кто хочет получить дивиденды от их деятельности.

- Откуда вы это знаете?

- Амнезия, Ваше Императорское Величество. Не могу ответить. Полагаю, что сам был как-то замешан. Во всяком случае, в голове у меня много деталей, говорящих о немалой степени посвящения в дело. Доказать, разумеется, я ничего не могу.

- И несмотря на это, вы обвиняете уважаемого генерала?

- Обвиняю? Боже упаси! Про то, что Куропаткин прикрывал Ухач-Огоровича, знают все, как и про то, что последний занимался хищениями. Это подтвердило даже следствие, практически замятое после своевременного убийства

Столыпина. Я ведь не просто так хочу подать в отставку и увезти отсюда Татьяну.

- Вы боитесь?

- За нее - да. Очень. Потому что я знаю, что по сорвавшимся планам вы, ваша супруга и все ваши дети подлежали ликвидации.

- Что?! - переспросил выкриком Николай Александрович, привстав.

- Сядьте, - с усмешкой произнес Максим. И после того как Император подчинился, продолжил: - Помните странную и трагическую историю с вашим отцом, в результате которой он был вынужден держать на своих плечах крышу вагона? Неужели вы думаете, что она - чистое совпадение? А Ходынское поле, где на ровном месте устроили трагедию? Или, может быть, вам напомнить, как погиб ваш дед и сколько на него было покушений? Теперь ваш черед.

- Мой?

- Да. Но мы отвлеклись. Вы не обратили внимание на странную реакцию части ваших родственников? Сначала поздравляли простого поручика с успехами, а потом вдруг стали нос воротить.

- Вы прекрасно знаете, из-за чего они так поступили.

- Seriously? Вы так думаете? Половина Августейшей фамилии в мorganатических браках. Просто потому, что акт Александра I о равнородности больше невозможно выполнять. Технически. Он просто устарел. Больше нет подходящего количества правящих домов. А те, что есть - друг другу близкие родственники. Следующая стадия, как древнеегипетские фараоны, брать в жены дочерей и племянниц. Так что, как раз ЭТА сторона поступка никого не смутила. Особенно в сочетании с болезнью Алексея. Из-за нее ваши дочери обречены либо умереть старыми девами, либо идти в мorganатические браки. Или вы этого тоже не понимаете? Ни один правящий дом не станет рисковать наследниками. Да и тот факт, что я бастард, тоже не сильно людей заботит. Даже ваша мать и то ко мне хорошо отнеслась[25 - Здесь идет намек на то, что дед Николая II - Александр II, в 1880 году обвенчался со своей любовницей мorganатическим браком и чуть было не сделал рожденных ею бастардов (ибо

вне брака) наследниками престола. Из-за чего мать Николая II – супруга Александра III – испытала чудовищные волнения за будущее своих детей. Так что бастарды были для нее словно красная тряпка для быка.]. Нет. Это все ширма.

– Но тогда что? – растерянно спросил Император.

– Моя амнезия не позволяет мне многого вспомнить. Но, очевидно, их смутило не то, что Татьяна вступила в морганатический брак с бастардом, а то, что вышла замуж за меня. Их это очень испугало. Тут и знания, и характер. Ведь я за Татьяну, если потребуется, весь Питер в крови могу утопить. Невзирая на пол, возраст и социальное положение. А вы ее отец. Очень неловкая ситуация может возникнуть для заговорщиков. Оно им надо?

– Вы их знаете?

– Увы, – развел руками Максим. – Амнезия. Сначала, до провала в 1907 году, ключевую роль играл Владимир Александрович. Это я еще помню. Но он умер. И игра резко сменила свой формат. Кто сейчас? Я не знаю. Просто не помню. Впрочем, это не так и важно. Все слишком очевидно. Кому выгодно, тот и стоит за этим.

– Но это невозможно! – после долгой паузы воскликнул Император.

– Вас смущает закон о престолонаследии? Зря. Если бы заговорщики ориентировались на закон, то вас бы уже постиг апоплексический удар табакеркой. Как Павла Петровича. Быстро и просто. И народу можно будет сказать, что пилулькой подавились. А сын ваш скоростижно поранится и скончается от потери крови. «Случайно». Как царевич Дмитрий. Тот ведь тоже совершенно «случайно» ножичком поранился. Но что дальше? Нет. Этот путь заговорщикам не интересен. Слишком многих родственников придется убить или заставить отречься. Поэтому их лидер пошел другим путем, разыгрывая козырные карты. Свои, не ваши. Ведь он фактический глава семейного совета и очень популярен в армии. С ним связываются все победы на фронтах. С ним, не с вами. Ему подчиняются офицеры и генералы. Ему, не вам. Вы ведь это хорошо увидели на инциденте с Сухомлиновым. Не так ли? А что вообще сейчас с вами связывают, не думали? Чиновников-взяточников и бестолковых министров. Ну и прочую мерзость. Не понимаете, почему? Или вы думаете о Распутине просто так вой подняли? Это вы еще погодите. Про Марию-Антуанетту под финиш вообще

говорили, будто она спит с собственным сыном.

– Православный народ никогда не примет такого беззакония!

– Ха-ха! Три раза. Если вы сейчас отмените обязательное посещение церкви – девять из десяти туда больше и ходить не станут. Удивлены? Пообщайтесь инкогнито с простыми людьми. Много интересного узнаете. Для народа православие – это социальный ритуал. То есть некие действия, которые позволяют маркироваться как «свой». И больше ничего. Веры в сердце нет практически ни у кого.

– Я не верю вам!

– А и не надо. Почитайте внутренние отчеты Синода. Крестьяне приходят из села в город и сразу впадают в атеизм, ибо больше притворяться не нужно. Что? Вам их еще не показывали? Ай-ай-ай...

– А вы их видели?

– Видел. За небольшую мзду много куда можно заглянуть, – произнес Максим. Вздохнул. И продолжил: – Вы поймите. Народ сейчас жаждет перемен. Крестьяне – своих. Рабочие – своих. Буржуа – своих. И так далее. Во многом глупых, недалёковидных и взаимно исключаящих друг друга. Но это и не важно. Думаете, широкие массы отдадут себе отчет о последствиях своих желаний? Нет. Это просто стадо мартышек, которым все приелось. Им нужно хлеба и зрелищ. Как и в Древнем Риме. Любой лидер-популист сейчас срывает народные овации и любовь. Не обязательно даже выполнять обещания. Достаточно просто болтать про светлое будущее. Достаточно просто вас покритиковать. Глупо и безответственно. Но кто из них об этом думает? Или вы считаете, отчего вся эта либеральная шушера так популярна? Они героические борцы с тираном. Тихим и безответным. Потому что, если бы вы оказались настоящим тираном – они бы следили за языком, опасаясь быстрой и жесткой расправы. Они ведь обкладывают вас как волка флажками, затравливая и загоняя в угол. А вы забиваетесь все глубже и глубже в свою раковину. Разве вы этого не понимаете? Православие.... Смешно.... Церковные иерархи в основной массе встанут за любого, кто пообещает им Патриаршество. А вы говорите православие. Это все та же свора жадных и склочных мартышек, желающих урвать свой кусок. Только что в рясах.

– Вы говорите страшные вещи!

– Такова жизнь, – пожав плечами, произнес Максим. – Люди слушаются только тех, кто, с одной стороны, крепко держит их за яйца, норовя оторвать, а с другой – решает проблемы. Их, не свои. И чем выше люди сидят, тем ярче это проявляется. – После чего парень достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок бумаги и положил на стол. Он его заготовил заранее, понимая, что такой разговор возможен. – Это мое очередное прошение об отставке. Вы тащите свою семью в могилу, не желая драться за нее. Думаете, Бог защитит вас? Опыт Карла I и Людовика XVI вас ничему не научил? Он, – Максим скосил глаза вверх, – даровал нам свободу воли. Что сами наворотили, то и расхлебываем. Если вы не желаете защитить своих близких, то я прошу вас, я вас умоляю – дайте мне возможность спасти мою Таню...

Сказал. Встал. Кивнул. И вышел из кабинета, оставив Императора сидеть за столом с оплеванным и совершенно потерянным видом.

Глава 4

1915 год, 10 мая. Петроград

Михневич сидел в своем кабинете и работал с бумагами. Вчерашний разговор с Меншиковым дал очень много поводов для размышления, а также идей. Это все требовалось не только зафиксировать на бумаге, но и осмыслить. Чем он и занимался, зарывшись с головой.

Вдруг дверь внезапно и довольно резко открылась.

Николай Петрович хотел было уже возмутиться и наорать на столь невежественного гостя, но вместо этого вскочил, вытянулся по стойке смирно и гаркнул:

– Здравия желаю, Ваше Императорское Величество!

Император был не в духе. Мрачный, хмурый и явно не выспавшийся. Михневич никогда раньше не видел и не слышал, чтобы Государь имел ТАКОЕ выражение лица.

– Доброе утро, – тусклым голосом произнес он. – Как ваш отчет? Готов ли?

– Какой отчет, Ваше Императорское Величество? – предельно осторожным и вкрадчивым тоном поинтересовался генерал.

– Великому князю Николаю Николаевичу. О маневрах отдельного лейб-гвардии эскадрона.

– Он... э-э-э... – попытался что-то сказать Николай Петрович.

– Он не готов?

– Никак нет, Ваше Императорское Величество!

– Почему тянете?

– Я как раз над ним и работал.

– Вот как? Замечательно. Покажите, – произнес Государь и устало опустился в кресло.

Михневич нервно сглотнул и достал рапорт, написанный заранее для подачи Главнокомандующему. Передал его Императору. И промокнув лоб от пота, остался стоять, не решаясь сесть все то время, пока его незванный гость читал.

– И что это такое? – наконец спросил Николай Александрович, небрежно швырнув бумаги на стол.

– Наброски рапорта, Ваше Императорское Величество.

– А я думаю, что это ЧУШЬ! – Произнес Государь, сверкнув глазами.

Это было НАСТОЛЬКО удивительно, что Михневич даже глаза выпучил. Всегда спокойный, выдержанный и тщательно выбирающий выражения человек, боящийся лишней раз словом обидеть собеседника, был в чрезвычайном раздражении. Да. Именно так. И едва сдерживал это.

- Но... - пробормотал Михневич. - Николай Николаевич...

- Я даю вам сутки, чтобы все переделать. Подадите рапорт мне. И только после моей визы перешлете Николаю Николаевичу. Вам ясно?

- Так точно, Ваше Императорское Величество!

- Вопросы есть?

- А... а что писать?

- Все, что видели, то и пишете. Честно. Как и должно русскому офицеру. Ведь вы, я надеюсь, верны присяге?

- Так точно! - гаркнул Михневич, еще сильнее вспотев. Прохладный пот прямо-таки заструился по его спине, стремительно увлажняя исподнее. Да и по вискам, по шее... всюду тек...

- Это хорошо, - скептическим тоном отметил Государь. - А то мне на мгновение показалось, что вы ей изменили.

- Никак нет! - выкрикнул Михневич, еще и побледнев до кучи.

Николай Александрович едва заметно усмехнулся, разглядывая начальника Главного штаба Русской Императорской армии. В былые дни он никогда бы себе не позволил так разговаривать с уважаемым офицером. Но вчерашние слова Максима его словно изменили.

Первые несколько часов в его душе шла борьба. Отчаянная борьба всего нутра с теми кошмарными словами, что ему озвучили. Но чем больше он думал, тем хуже ему становилось. Да, Император мог проверить не все. Во всяком случае, быстро или в разумные сроки. Однако то, до чего Николай Александрович смог в тот

день дотянуться, полностью подтвердило слова Максима. И это было страшно. Очень страшно. Невероятно. Просто до оцепенения. Потому что Император впервые ощутил запах смерти, который угрожал не столько ему, сколько безумно любимой им Александре Федоровне и детям... его детям...

Он не спал всю ночь.

Не смог.

А утром не устоял перед напором обеспокоенной супруги и все рассказал. Побледневшая. С плотно сжатыми губами и сердитым взглядом, Императрица довершила разгром:

- Вчера я имела разговор с Марией Федоровной, - тихо произнесла она.

- И?

- Максим просил ее примириться со мной.

- И она его послушала? - немало удивился Государь, прекрасно зная, что его мать и супруга были как кошка с собакой, не перенося друг друга на дух. И конкурируя.

- Видимо, - неохотно кивнула Императрица. - Во всяком случае, она опасается за нас всех. И особенно за детей. И готова ради их благополучия пойти на многие уступки. Взаимные.

- Она тоже думает, что за всем этим стоит Ник Ник?

- Она не знает. Но в армии за ним держится прозвище «Лукавый»[26 - Это настоящее прозвище Николая Николаевича младшего, данное ему еще до начала войны сослуживцами. Очень поганое прозвище, надо сказать, потому что в данном случае «Лукавый» употребляется в значении Дьявола, которого тоже называли Лукавый. Всплеск популярности Ник Ника был связан с битвой в Галиции и официальной пропагандой, которая сделала его ее героем и автором. В остальном же в армии его не столько любили и уважали, сколько боялись и тихо, молчаливо презирали.] за любовь к работе за кулисами и злой,

высокомерный характер, чрезмерное честолюбие и непомерную жажду власти. Верные ей люди дали на Ник Ника очень опасные характеристики. Кроме того, она считает, что именно от него исходят гнусности про наших дочерей. Мария Федоровна считает, что так он мстит ей за запрет сочетаться морганатическим браком с Бурениной в 1892 году. Помнишь? Он тогда просил твоего отца дать ему дозволение взять в жены дочь мелкого лавочника и поначалу получил согласие. Но вмешалась твоя мама, и ему отказали. Видимо, он не простил и не забыл.

– Вот, значит, как... – покачал головой Николай Александрович. – Получается, что Максим прав?

Александра Федоровна тогда лишь молча кивнула, не в силах подобрать слова. Ей самой как-то нехорошо стало от осознания близкой смерти, нависшей над всеми ними. А главное – над их детьми...

Но это было рано утром. Сейчас же Николай Александрович смотрел на Михневича и думал, что с ним делать. Он ведь был человеком Николая Николаевича. Слишком много вокруг оказалось его людей... куда ни плюнь...

Тот, видимо, почувствовав, что решается его судьба, взял себя в руки и начал рассказывать в самых радужных тонах об изобретениях Максима. И показывать их. Давать Императору пощупать. Отвлечься, сбивая с губительных для генерала размышлений.

– Вот, посмотрите, – преподнес Михневич Императору довольно компактный образец огнестрельного оружия.

– Что это?

– Это легкий самозарядный карабин под пистолетный патрон. Максим Иванович жаловался, что других нет, и очень просил выписать из США новых патронов от самозарядной винтовки Winchester[27 - Имеется в виду патрон 351 Winchester Self-Loading от самозарядной винтовки Winchester Model 1907.]. Если под них переделать – будет на пять-шесть сотен шагов верно работать. А так – только на две-три. Карабин построен на основе пистолета «парабеллум». Он ведь, как оказалось, очень прост и дешев в производстве. Многие детали примитивны формой и делаются горячей или холодной штамповкой с доводкой напильником

по лекалу. Меншиков раздал по разным столичным мелким мастерским заказы на отдельные детали, а у себя в мастерских лишь собирает все воедино. И получается вдвое дешевле, чем винтовка трехлинейная, выпускаемая на наших казенных заводах.

– И много он собирает?

– Сейчас по полсотни в день. Ему ведь много не нужно. Как эскадрон оснастил – стал консервировать да в ящики укладывать. Про запас. Может, кому пригодится. По его мнению, при желании можно на одних только мелких частниках столичных до трех-четырех сотен в день выпускать [28 - 50 в день это 18,25 тысячи в год, 300–400 в день это 109,5—146 тысяч.]. Если же подключить серьезные заводы, то и подавно. Очень уж он дешев и прост в производстве.

– А что это за кожух такой?

– Чтобы за ствол голой рукой не хвататься. И не обжечься, если тот разогреется. Кожух вполне крепкий. При стрельбе за него можно удерживать карабин. Вот эти отверстия для теплообмена. А вот эти, как сказал Максим Иванович, выполняют роль дульного тормоза-компенсатора [29 - Максим в данном случае применил штампованный кожух, позаимствованный от ППШ-41.]. То есть облегчают отдачу и уберегают оружие от вскидывания. Я лично пробовал. Это невероятно! Он почти и не дергается. Можно стрелять быстро и точно. За минуту я, не привычный к нему, расстрелял три магазина, уложив все пули по ростовым мишеням на ста шагах.

Император взял карабин в руки. Повертел. Приложил П-образный скелетный приклад из металлического профиля и прицелился в окно. Деревянная накладка «пятки» уперлась в плечо, а рука удобно обхватила пистолетную рукоятку. Оружие оказалось удачно сбалансировано и удобно в управлении. Прицельные приспособления находились там где им нужно. Притом не обычные, привычные, а апертурные кольцевые. Из-за чего наводить оружие на цель оказалось много проще и как-то интуитивно, что ли.

– Удобная игрушка... – констатировал Государь, возвращая оружие. – Жаль, что он непригоден для армии.

– О нет! – оживился Михневич. – Максим Иванович придумал очень интересную концепцию, которую и реализовал в своем эскадроне. Основным оружием пехоты является не индивидуальное, а коллективное. Пулеметы и минометы. Все остальные нужны только для того, чтобы обеспечивать их действие и прикрывать. Поэтому эти карабины могут пригодиться в армии. Тем более что их можно сделать очень много, быстро и дешево. Разве что ствол требует специальной оснастки. Остальное же можно выпускать практически на любых металлообрабатывающих заводах. Да даже в добротном оснащенных мастерских.

– Хм... – задумчиво произнес Император, рассматривая Михневича. Возможно, он в нем ошибался, и генерал просто попал под влияние дяди просто из опасений за свою карьеру...

Вопреки распространенным российским, а потом и советским мифам, пистолет Георга Льюгера был удивительным, прямо-таки гениальным оружием. Максим прекрасно знал, что это был единственный пистолет Первой и Второй Мировых войн, который полноценно выдерживал грязевой тест. Более того, в 1938 году, даже с наценкой в пятьдесят процентов, он стоил всего на одну рейхсмарку дороже куда более сложного и дорогого в производстве Walter P38. То есть очень мало. Фактически это был самый дешевый пистолет обеих мировых войн. А уж про живучесть так и вообще можно слагать легенды, потому что в финских тирах до 2000-х годов жили образцы, произведенные еще в первой половине XX века. А тир – не война. Там ОЧЕНЬ много стреляют. И это оружие выдерживало такие чудовищные нагрузки. Собственно, по этим причинам Максим на базе этого пистолета и решил делать легкий самозарядный карабин.

Пообщались.

Распрощались.

А напоследок генерал от инфантерии пообещал включить в рапорт подробное описание всех этих новинок в самом выгодном свете. Отдельным приложением, разумеется. И не далее чем утром положить его на стол Императору. Следующим утром. А потом провожал. Не только к дверям кабинета. Но и далее. Прямо до автомобиля. И стоял еще несколько минут на брусчатке, бледный и взволнованный, смотря вслед удалившемуся кортежу...

Казенная квартира лейб-гвардии ротмистра Меншикова.

Стук в дверь. Слуга, подволакивая ногу, пошаркал к ней. Открыл. Охнул. И затих.

Максим сразу же выхватил пистолет и, как можно тише, сместился в сторону от двери. Так, чтобы входящий сразу его не заметил. Мало ли? Покушение уже было. Может, слугу уже прирезали или «взяли на ствол».

Однако, когда открылась внутренняя дверь, в комнату вошел Император. Станный и какой-то необычный. Ротмистр выдохнул с облегчением и, щелкнув каблуками, гаркнул:

– Здравие желаю, Ваше Императорское Величество!

Николай Александрович повернулся на голос и удивленно вскинул брови, увидев пистолет в руке парня.

– Простая предосторожность, – пожал плечами, ответил тот и убрал его в кобуру. – Слуга затих. Всякое могло случиться. После покушения я стараюсь быть осторожным.

– Понимаю, – кивнул Николай Александрович.

– Я польщен вашим визитом. И смущен. Вы же могли вызвать меня.

– Максим Иванович, – после небольшой паузы произнес Государь. – Я не могу принять вашей отставки.

– Понял, – резко посуровев всем своим видом, ответил ротмистр.

– Завтра мне принесут на подпись рапорт о маневрах отдельного эскадрона. Михневич все сделает правильно.

– Вы же понимаете, что это тут ни при чем...

– Понимаю, – перебил его Император. – Но нужно с чего-то начинать.

- Начинать? – не понял его Максим.

- Что это у вас? – поинтересовался Николай Александрович, кивнул на бумаги и какие-то чертежи с эскизами, разложенные на столе. Продолжать обсуждать этот вопрос он пока был не готов.

- Я переписываюсь с Игорем Ивановичем Сикорским. Он прислал мне описание результатов испытаний предложенных мною мелочей. Вот – читаю и смотрю его пометки на эскизах и чертежах.

- И что это за мелочи?

- Авиационная бомба, переделанная из старых снарядов. Укладка и сбрасыватель, позволяющие на «Илье Муромце» унести сразу большое количество бомб. И прицел для точного бомбометания из горизонтального полета. Их сочетание позволит налетом одного «Ильи» ударить по позициям противника не хуже, чем целым дивизионом, а то и полком артиллерии. Да концентрированно и весьма точно. Очень простой, механический прицел. В нем вручную вводится поправка на высоту и скорость аэроплана. Игорю Ивановичу удалось его изготовить и откалибровать.

- Какие снаряды вы предложили переделывать в бомбы?

- 87-мм и 107-мм чугунные гранаты от артиллерийских систем 1877 года. При массированном налете самолетов типа «Илья Муромец», например, сразу десяти аппаратов, можно обрушить в самые сжатые сроки на противника около четырехсот бомб, переделанных из 87-мм фугасов. Их все можно будет сбросить за минуту-две. Например, накрывая позиции окопавшегося пехотного полка...

- Понятно, – кивнул Император, разглядывая эскизы и чертежи.

- Массирование бомбовых авиаударов в полосе наступления, в сочетании с артиллерийской подготовкой, позволяет достичь выдающихся успехов. Пока орудия будут работать по первой линии обороны противника, авиация сможет ударить по второй. А в случае хорошей координации и достаточного количества самолетов – оказывать непосредственную поддержку в бою. Вы читали отчет о десанте на Пиллау? Там в этой роли оказывались корабли огневой поддержки.

– Николай Петрович показал мне ваши поделки, – перевел Император разговор в другую плоскость. – Почему вы сделали егерский карабин на основе «Маузера», а не нашей трехлинейной винтовки?[30 - В данном случае речь идет о егерском карабине, а не о легком самозарядном. Сделан на основе винтовки Маузера. Ствол укорочен. Установлен оптический прицел. Установлен дульный тормоз-компенсатор. Полностью переделано ложе, теперь карабин имеет регулируемый трубчатый Т-образный приклад и пистолетную рукоятку. Оснащается отъемными коробчатыми магазинами на 10 патронов. Все переделки штучные, так как количество таких карабинов нужно очень небольшое.]

– Можно матом?

– Вы о ней настолько невысокой оценки?

– В ней плохо все. И архаичный, никуда не годный патрон с закраиной, и полет инженерно-технической мысли французов образца 1870-х годов. Казалось бы – простая в производстве. Ведь деталей мало. Но они все сложные и требуют продолжительных фрезеровальных работ. Из-за чего винтовка получается существенно дороже и сложнее в производстве, чем маузер. А большие допуски, вызванные недостатком квалифицированных рабочих, делают ее ненадежной. Она слишком легко засоряется и клинит, требуя более тщательного ухода, чем маузер. Из плюсов разве что вывешенный ствол. Но и тут не обошлось без идиотизма. К нему зачем-то крепится штык, сводя это пре-имущество к нулю. В карабине это некритично, но все равно.

– Мне кажется, что вы нагнетаете.

– Ваше Императорское Величество, вы же не хуже меня знаете о том, что ее приняли на вооружение не потому, что она была хороша, а потому что Леон Наган передавал России технологии для ее производства. Станки, патенты, технологические карты и так далее. То есть ситуация в полной мере повторяет ту, что имелаась с винтовкой Бердана. Только «берданку», после получения желаемого, переделали, превратив в не самое плохое оружие. А тут... даже не знаю. Поленились, что ли?

Максим, как человек, увлекавшийся военно-исторической реконструкцией Первой Мировой войны, был немало начитан и наслышан о том, как принимали на вооружение «трехлинейку». И прекрасно знал, что Мосина «обидели»

крошечной премией не просто так.

Генеалогия «трехлинейки» выглядела довольно замысловато и любопытно. Сначала в 1870 году во Франции была принята винтовка Гра – погонда «берданки». Потом, в 1887 году ее сменила винтовка Лебеля[31 - Сконструированная все тем же Гра. Лебель же разработал патрон и проводил армейские испытания.]. То есть к старой, доброй винтовке Гра прилепили подствольный магазин, словно у помпового ружья. Леон Наган же взял уже хорошо отработанную систему Лебеля[32 - Имеется в виду не только сама винтовка, но и патрон для нее.], прошелся по ней напильником, сменил подствольный магазин на срединный и представил на конкурс в Санкт-Петербург. Мосин же, по сути, внес только ряд небольших правок в эту архаичную конструкцию. И не все из них были полезны. Например, обойма Нагана была более совершенна, чем вариант Мосина.

Так на вооружение Русской Императорской армии попала магазинная винтовка, отвечающая технологическому уровню образца 1870-х годов. Но вот беда – у французов имелись производственные мощности и большое количество квалифицированных рабочих. Так что для них такая проблема, как крайне низкое технологическое совершенство оружия, была не критична. А вот для России стала бедой, резко затруднив обеспечение оружием личного состава и неслабо ударив по жидкой казне. Но, к сожалению, у Империи выбора особенного и не было. Ей требовалось не столько современное оружие, сколько технология его производства, ради чего Россия оказалась готова мириться со всеми недостатками довольно бестолкового образца вооружения. Ну и нахваливать его, формируя легенду. Чего уж тут? Сказок про «трехлинейку» придумали великое множество...

Глава 5

1915 год, 2 июня. Петроград

Столичная возня шла своим чередом.

Возбужденный и испуганный Император оказался достаточно умен для того, чтобы не наломать дров. Никаких резких движений. Нет. Он просто начал аккуратное кадровое движение, выбивая из-под ног своего дяди всякую почву.

Единственным острым моментом стал рапорт Михневича. Великий князь оценил визу Государя на бумаге и затеял с ним перебранку. Но очень непродолжительную. Ему успели донести, что Император на взводе. И что нужно быть осторожнее.

Но это было единственным острым эпизодом. В остальном же Николай Александрович старался избегать скандалов, ведя больше кулуарную и подпольную работу. Просто потому, что не был уверен в людях, на которых привык опираться, и боялся за жизнь своих близких, если вдруг он спровоцирует заговорщиков.

А тем временем на полях сражений Первой Мировой войны происходили грандиозные изменения.

25 марта 1915 года Рим, уступив сладким обещаниям Берлина и Вены, подписал с ними секретный договор и объявил мобилизацию. Да, у Италии были территориальные претензии к Австро-Венгрии, но Вена оказалась готова добровольно передать Риму спорную территорию в Южном Тироле и Рагузу. В случае если Итальянское королевство вступит в войну на стороне Центральных держав. Вкусно? Очень. Это ведь бо?льшая часть того, что Рим хотел заполучить по итогам войны от своих восточных соседей.

Сверху же Германия и Австро-Венгрия гарантировали передачу Италии Савойи, Прованса и острова Корсика, а также французские колонии в Алжире и Тунисе. То есть фактически обещали реализовать мечту итальянского реваншизма тех лет. Даже Бенито Муссолини, еще недавно выводивший на улицу толпы в поддержку Антанты, переметнулся на сторону австро-германского союза.

Однако Рим, несмотря на подписание договора и начало мобилизации, вел до самого конца активные переговоры с Парижем и Лондоном. И всеми силами давал им понять, что склоняется на их сторону и даже готов воевать, но ему для этого не хватает денег.

Мерзко? Может быть. Но только дождавшись доставки золота англо-французского кредита, Италия 12 мая объявила войну Франции. Ну и остальным участникам Антанты. К этому моменту Рим располагал тридцатью пятью мобилизованными дивизиями, приведенными в полную боевую готовность. Ну и пятнадцатью австро-венгерскими дивизиями, что стояли на границе с Италией, всеми силами имитируя подготовку к тяжелой обороне. В Вене ведь прекрасно понимали, что делает Рим.

И вот эта орда в полсотни австро-итальянских дивизий обрушилась на восемь французских, что затыкали брешь на юге. Быстро смяла их. И начала масштабное наступление.

Тут надо сказать, что части, размещенные на итальянской границе, оказались далеко не самые боеспособные. Фактически туда отводили соединения на отдых с Рейна. Ведь Италия всем своим видом показывала, за кого она вступит в войну. Вон, и кредит взяла огромный. И поднятые по мобилизации войска держала на австрийской границе. Так что, решительный рывок австро-итальянских сил оказался для французов полным сюрпризом.

Ни укреплений, ни готовности к войне отдыхающих, выведенных на пополнение и отдых соединений. Да, горы. Но через горный хребет шли три крупные дороги, на которых Центральные державы смогли сконцентрировать шести-семикратное превосходство в живой силе, пулеметах и тяжелых вооружениях.

В общем – чуда не произошло. В Париже вспыхнула паника! А французский флот, опасаясь захвата, экстренно покинул свою главную базу на Средиземном море – Тулон.

Но паника началась не только в окрестностях Эйфелевой башни. Ведь эти полсотни дивизий, уничтожив французские заслоны, могли спокойно наступать, не встречая никакого сопротивления. Это грозило Франции катастрофой. А значит, и всей коалиции. Понимая критичность ситуации, союзное командование стало спешно снимать англо-французские войска с позиций на Рейне и перебрасывать на юг.

С огромным трудом к 23 мая удалось остановить наступление итальянского фронта, взявшего к тому времени уже не только Тулон, но и Марсель. А вместе с ним и весь юго-восток Франции. Да и то французы справились потому, что

австро-итальянские войска устали, а их тылы чрезвычайно отстали.

Удача? Конечно. Но в Париже не успели толком порадоваться своему счастью. Уже 28 мая начало свое наступление германское командование. Оно бросило все свои ресурсы и резервы на прорыв флангов чрезвычайно ослабленных англо-французских позиций по Рейну.

Фронт рухнул.

Англо-французские и бельгийские соединения спешно отходили, бросая тяжелое вооружение и обозы. Ибо над ними висела угроза окружения. Началось новое германское наступление на Париж. Намного более осторожное и сдержанное, чем в 1914 году. А потому и опасное.

Главнокомандующий Русской Императорской армией стал стягивать на Северо-Западный фронт силы отовсюду. Даже с Кавказа. Вся Россия начала лихорадочно готовиться к наступлению.

Максим осознавал весь трагизм положения намного лучше прочих. Падение Франции означало поражение России в войне. Потому что Германия, Австро-Венгрия и Италия единым фронтом развернутся на восток и сомнут Империю. Более того, в этом случае, безусловно, включится и Турция. Так что поражение станет удивительно тяжелым. И нужно что-то делать. Поэтому он подал рапорт на имя Императора с планом операции. Разумеется, с участием себя любимого и своего отдельного эскадрона.

Николай Александрович спустил этот рапорт Главнокомандующему. Но тот нашел способ его завернуть под самым благовидным предлогом.

Ссылаясь на доклады своих генералов, Николай Николаевич указал на то, что сейчас идет лихорадочное пополнение личного состава. Что кошмарные потери в 1914 году и в феврале-марте 1915-го не позволяют Северо-Западному фронту обеспечить прорыв эскадрона в тыл и закрепление его успехов.

Кроме того, огромные потери потребовали мобилизации слишком большого количества призывников. А запасов вооружения и снаряжения на складах для них просто не хватало. Даже обычного обмундирования и особенно сапог.

И вообще – все плохо. Все очень плохо. А тут еще этот клоун со своими машинками. Как он посмел наглец?! Болван! Дилетант!

Николай Николаевич красиво и эффектно описал всю трагичность положения Русской Императорской армии. Которую, кстати, сам до этого состояния и довел. Хотя эту деталь Великий князь благоразумно опустил. Впрочем, Максим прекрасно понимал, что отказ был дан не столько по объективным причинам, сколько из-за личного отношения к нему. Их противостояние набирало обороты, и с каждым новым витком Ник Ник ненавидел Меншикова все сильнее и сильнее. Настолько, что готов был «вставлять палки в колеса» любым, даже самым разумным и полезным его идеям.

Почему Максим пришел к такому выводу? Так с тем же Ренненкампом, командующим 1-й армией, он продолжал переписываться. И не только с ним. А потому прекрасно знал реальное положение дел на фронте. Как и то, что германские силы хоть и окопались по Варте и Одере, но очень немногочисленны. И если бить их не в лоб, а маневром, то...

В общем – отказ Николая Николаевича он воспринял слишком близко к сердцу. Слово красную тряпку и личный вызов...

Глава 6

1915 год, 8 июня. Петроград

Получив окончательный отказ от Главнокомандующего, Меншиков не отчаялся, а скорее разозлился. И отправился к Александру Ивановичу Гучкову – злому гению российской общественности тех лет.

– Добрый день, – произнес тот настороженно. – Признаться, не ожидал вас увидеть.

– Отчего же?

– Вы держитесь партии Императора.

– Именно по этой причине я к вам и пришел, – с усмешкой заметил Максим. – Пригласите в кабинет? Или у вас есть более удобное место для приватной беседы?

– Вот как... – немного растерянно буркнул Гучков и потер глаза с переносицей. – Пожалуйста. Проходите.

Они прошли по просторному помещению и осели в богато обставленной небольшой комнате. Друг напротив друга. В оппозицию. Глаза в глаза. Не близко, но и недостаточно далеко.

Александр Иванович был удивительный человек. Его род вышел из крепостных. Выкупившись, через старообрядческие общины. Потом семейство занималось торговлей и промышленными делами. Но не он. Совсем не он. Вся его жизнь, вся его сущность выдавала в нем человека совсем из другой эпохи. Максиму он даже казался коллегой из XXI века. Кроме каких-то невероятных, прямо-таки чудовищных амбиций, он был быстр, энергичен и деятелен, просто кипуч. Такие в будущем только в мегаполисах водились. А еще смел и решителен. Любил острые ощущения и даже под пулями сохранял хладнокровие и рассудительность. Но главное – все, за что он брался, как правило, доводил до конца.

Это был танк. Это был паровоз. Это был трицераптос, диссонирующий со всем окружающим его политическим ландшафтом.

По сути, главная трагедия Российской Империи 1910-х годов заключалась в том, что Гучков не вошел в команду Николая Александровича. А потому этот человек оказался вынужден ему оппонировать...

– Вы хотите изменить Россию? – после долгой паузы и игры в гляделки спросил Максим.

– А вы?

– Вы не ответили.

- Хм, - после небольшой паузы усмехнулся Гучков. - Хочу.

- А я уже меняю. И вы тоже можете.

- Что вы имеете в виду? - прищурился Александр Иванович.

- Вы знакомы с учением Льва Толстого о роли личности в истории?

- Разумеется.

- Тогда вы должны понимать, что это полный бред. Роль личности в истории абсолютна. И чем выше она находится, чем больше у нее ресурсов и возможностей, тем сильнее ее влияние на окружающий ее мир. Посмотрите на то, что я сделал в Восточной Пруссии. Фактически в одиночку я изменил ход всей кампании. И победитель стал проигравшим.

- Вам просто повезло.

- Вы так думаете? А почему же мне тогда повезло на Пиллау? Вы ведь, я надеюсь, знаете, что автором операции и ее главным паровозом был я.

- Вы?

- Я пришел к Колчаку и предложил ему эту безумную идею. Убедил его. Потом убедил Эссена. Потом разработал план сухопутной части операции и способы взаимодействия десанта с кораблями. Ну и под финиш выступил инструктором десантной команды. Вы разве не знали?

- Нет, - ответил Гучков. - Слухи ходили, но... но почему вас тогда не наградили?

- А чем меня награждать? Все оставшиеся Отечественные ордена мне либо не по чину, либо уже висят. Да и дядя, признаюсь, меня искренне ненавидит. Он костыми лег на пути к моему награждению и поощрению. Любому. Но не это главное. Я хочу менять этот мир. И я иду и меняю его. А вы - нет. Но ведь хотите?

– Допустим, – кивнул Гучков, улыбнувшись. – Полагаю, сейчас вы тоже хотите его изменить. Я прав?

– Абсолютно, – кивнул Максим. – Давайте я обрисую диспозицию. Вот у нас есть Император. Оставим в стороне его личные качества. Главное, что для него семья – это суть всей жизни. В нем нет амбиций. В нем нет жажды славы или величия. Он просто хочет больше времени проводить с любимыми людьми. И он охотно бы взвалил весь тот груз повседневного государственного управления на верного, умного и деятельного человека. Но таких подле него нет. И он, как ответственный человек, вынужден тащить эту ношу сам...

– Вы уверены, что ничего не перепутали? – повел бровью Гучков.

– Назовите мне навскидку десяток умных и деятельных людей в окружении Императора. Из числа тех, кому бы он доверял.

– Сложный вопрос, – усмехнулся Александр Иванович.

– Нет. Очень простой. Таких людей нет. Император, может быть, и готов что-то менять. Но как? И главное, с помощью кого? Петр Великий не смог бы модернизировать Россию, не будь у него Александра Даниловича Меншикова и иных сподвижников. Тех, на кого он смог опереться. Тех, кто составлял его команду. Команда нынешнего Императора вам известна...

– Я смотрю, вы их не любите...

– Хм. Давайте зайдем с другой стороны. Допустим. Только допустим, что монархию свергли. В России установилась республика. Кто бы смог стать президентом? Вот прямо сейчас. Ну, кроме вас, разумеется. Вы слишком умны и деятельны. Вас туда просто не пустят. Испугаются.

Гучков ничего не ответил, промолчав, лишь остро взглянув на собеседника.

– Не знаете? Да любой. Потому что кто бы им ни стал в текущей ситуации, он не удержит власть. И страна погрузится в пучину хаоса. А возможно, и вялотекущей революции. Как во Франции. Сколько там эта кровавая каша длилась? Десять лет?

- Да...

- Все ядро нашей либеральной оппозиции – люди хорошие, но бестолковые чуть более чем полностью. У них просто нету подходящего опыта и знаний. Навыков нужных нет. Кто-то из них замечен в эффективном управлении крупным бизнесом? Или, может быть, был министром и смог достигнуть по-настоящему выдающихся результатов? Нет. Это совершенно неквалифицированные администраторы. Прямо-таки разнорабочие от политики. Но поболтать они горазды. Особенно любят популизм, не понимая, что это верная могила.

- Почему? – хмуро спросил Гучков, ему не понравилась такая мрачная характеристика элиты либеральной тусовки Российской Империи, но возразить по существу он не мог. Во всяком случае, сейчас.

- Я приведу пример. Вот берем крестьянские массы. Они хотят черного передела. То есть пусть небольшого, но увеличения своих земельных наделов за счет латифундий. Отлично. Человек, жаждущий власти, обещает им этот передел. Они за него голосуют, он становится президентом и вынужден претворять эту реформу в жизнь. Допустим, получилось все сделать бескровно и полюбовно. Раз и все. Что само по себе нереально. Но не суть. Получилось. И к чему это приведет? Правильно. К тому, что заводы встанут. Ведь сельскохозяйственное сырье на них не будет поступать. Мелкий частник его не производит. Красивая картина?

- Не очень...

- Дальше хуже. Толпы рабочих оказываются на улице без средств к существованию. Чтобы выжить, они сколачиваются в банды и идут грабить село. Крестьяне, защищаясь, тоже собираются в отряды. И что мы получаем на выходе? Правильно. Гражданскую войну. Причем меньше, чем через год. И прекрасную иллюстрацию роли личности в истории. Лучше и не придумаешь! Один пустоголовый кретин, не понимающий последствий своих поступков, в состоянии развязать такую бойню, что в страшном сне не приснится...

- Странный вы человек, – после долгих размышлений произнес Гучков.

- А что во мне странного?

- Вы ведь не любите демократию. Так?

- Я считаю, что честный человек и не может ее любить. Если, конечно, он достиг достаточного уровня личного развития.

- Seriously? Почему?

- А вы пойдите и поговорите пять минут с каким-нибудь типичным избирателем. Он же ничего не смыслит ни в государственных делах, ни в экономике... Этот обыватель делает свой демократический выбор на основе лозунгов, красивой болтовни и прочей шелухи. И кого он выбирает? Правильно! Того, кто будет лучше ему в уши заливать красивые сказки. Как там говорил Бисмарк? Никогда столько не врут, как перед выборами, во время войны и после охоты.

- Да, - кивнул Гучков. - Монархия, вы считаете, лучше?

- Смотря какая...

- А какая?

- Не будем трогать болезненные вопросы нашей страны. Посмотрим на Францию. Последний ее взлет был связан с Наполеоном Бонапартом. Первым, разумеется, а не с его недалеким племянником. После этого Франция умерла. Монархия возродилась. Но это уже была декорация, а не Империя. Франция погрязла в дрязгах и потеряла всякую энергию, всякую жизнь, всякую цель. Еще двести лет назад Людовик XIV мог в одиночку воевать практически со всей Европой. И вполне успешно. А сейчас, что?

- Увы, Николай не Наполеон, - грустно усмехнулся Гучков.

- А вы думаете, Наполеон смог бы стать самим собой без своих верных маршалов? Да, Николай не Наполеон. Но посмотрите, какие люди его окружают. Короля играет свита. А король реализует интересы тех, на ком зиждется его власть. Николай не дурак. Пилить сук, на котором он сидит, глупо. В этом и противоречие. В этом и беда. Торговцы и промышленники хотят, чтобы Государь поддержал их? Отлично! Но разве они сами поддерживают Государя? Что они сделали для того, чтобы Николай Александрович доверял им? Ничего. Только

галдят, как голодные чайки. Только возмущаются. Только отдаляются от Императора, вверяя его в руки весьма специфических людей. И пропасть между прогрессивной общественностью и Государем растет. Не из-за него. Отнюдь.

- Вы считаете?

- Я уверен, - твердо произнес Максим. - Как и в том, что вы нужны ему. Эти верные тупоголовые пеньки не хотят ничего менять. Им и так хорошо сидится. А мир - меняется. Мир - развивается. И чтобы просто не свалиться с корабля современности, нужно непрестанно бежать вперед.

- Вы же понимаете, что Император считает меня врагом...

- Так идите к нему и покайтесь. Скажите, что были не правы. Скажите, что поняли все глубину своего падения. И начните оказывать ему услуги. Безвозмездные услуги. Демонстрируйте верность. Поверьте, Николаю Александровичу сейчас очень нужны верные люди.

- Это прозвучало как намек, - подобрался Гучков.

- Так и есть, - многозначительно улыбнувшись, произнес Максим, глядя своему визави прямо в глаза. - Александр Иванович, вы думаете, я пошел бы к вам просто так? Сейчас вы можете стать русским Жаном Ланном[33 - Жан Ланн (1769-1809) был самым выдающимся вое-начальником блестящей наполеоновской плеяды. Отважный, прямой, резкий, он заслужил почетное прозвище Ролана французской армии.]. На что вы готовы пойти ради этого? Бисмарк, желая славы и величия, не постеснялся собрать толпу крестьян и привести их на защиту своего монарха. А что сделаете вы? - спросил Максим и внимательно посмотрел в глаза Гучкову. Смелому, решительному, жесткому и беспредельно амбициозному человеку. Наконец, после долгого молчания и игры в «гляделки» тот спросил.

- Император знает, что вы здесь?

- Нет.

- Тогда, может быть, все это лишь пустая болтовня?

– Может быть. Возможно даже, что я ошибся и вы уже состарились. Скисли. Перегорели. И забыли, что «невозможно» – это слово из словаря глупцов[34 - «Невозможно» – слово из словаря глупцов» – это одна из наиболее громких цитат Наполеона Бонапарта.]

– Ха! – не выдержав, усмехнулся Гучков. Такого ему еще никто не говорил. А потом внезапно переменял тему. – Вы верите в Бога?

– Не знаю. Но иногда я хочу его найти.

– Найти? – удивился Александр Иванович. – И что бы вы сделали, найдя Бога?

– Если Богу нужна помощь – я помог бы ему.

– А если не нужна? – оживился Гучков.

– Тогда я надрал бы ему задницу, – пожав плечами, невозмутимо и максимально серьезно ответил Максим. – Потому что этот мир – та еще помойка и кто-то за этот бардак должен ответить[35 - Здесь идет отсылка к постулату, озвученному в конце первого сезона сериала «Проповедник».]...

Гучков поперхнулся от услышанного. Выпучил глаза, подавшись вперед, к невозмутимо смотрящему на него ротмистру. И засмеялся. Истерично. Безумно. Заливисто. Минут пять хохотал. Потом остановился. Вытер выступившие слезы платком. И куда как более благожелательно посмотрел на того, кого все вокруг считали правнуком Николая I.

Максим улыбнулся.

Его расчет удался. Он долго не мог разгадать секрет Александра Ивановича. То монархист, то либерал, то октябрист, то кадет, то вообще с левыми путается. Он метался по политическому полю России неприкаянно, нигде не находя себе приюта. И оно было понятно, потому что не было в России тех лет группировки бонапартистов...

Ничего сильно хитрого и сложного Максим не сделал. Он просто предложил Александру Ивановичу то, что он желал. В рамках действующей конъюнктуры,

разумеется.

Всю свою жизнь безумно энергичный, деятельный и амбициозный Александр Иванович жаждал признания. Отчаянно, прямо-таки самоубийственно стремясь к славе и величию.

И далеко не сразу он встал в оппозицию к двору. Отнюдь.

Карьеру свою он начал в 1886 году и в сжатые сроки добился удивительного прогресса на службе Государя. Борьба с голодом. Судебные дела. Управление Московской губернией. И многое, многое другое.

В 1899 году, в связи с началом 2-й Англо-Бурской войны он в числе русских добровольцев едет в Трансвааль. И дерется там, «не щадя живота своего». Тяжело раненного его берут в плен англичане. И только вмешательство брата спасает ему жизнь, но он все одно остается инвалидом на всю жизнь.

Однако уже в 1900 году он отбывает в Пекинский поход, посвящая себя делам стратегической разведки в интересах Российской Империи. В 1903 году он среди русских добровольцев уже воюет в Македонии, помогая местным жителям отстоять независимость от османов. Грянула Русско-Японская война – и он уже бежит туда, носясь ужаленным бурундуком по всей Маньчжурии и налаживая работу Красного Креста. И даже в плен попал к японцам, не желая бросать раненых русских солдат.

Грянула первая Балканская война. И уже бывший Председатель Государственной Думы инвалид Александр Иванович Гучков несется в бой и дерется в рядах сначала Болгарской, а потом и Сербской армии. И отчаянно, надо сказать, дерется.

Но на карьеру его это уже мало влияло. Августейшая фамилия относилась к этому выскочке довольно прохладно. Чин IV класса он получил, да. Но ни доверия, ни уважения со стороны Императора так и не добился. Поэтому в 1911 году Гучков продал практически всю свою недвижимость, вывел деньги в иностранные банки и встал в оппозицию Государю. Строго в рамках психологии. Не добившись признания и внимания добрыми делами, он начал хулиганить.

Однако и тут беспокойный его характер и тщеславный, амбициозный нрав не позволил скатиться в полную ничтожность. Уже с первых дней Первой Мировой войны он вновь носился угорелым тушканчиком, организовав работу Красного Креста на фронте.

Да и потом именно благодаря его энергии Военному министру Поливанову удалось мобилизовать коммерческую, частную промышленность России на военные нужды и в кратчайшие сроки преодолеть кризис снабжения Русской Императорской армии. В истории, известной Максиму, это произошло в конце 1915 года, здесь же, из-за отставки Сухомлинова уже в начале ноября 1914 года, все началось значительно раньше...

Максим просто дал надежду этому отчаянному бонапартисту. Поддержал его. И указал путь, идя по которому, тот сможет добиться настоящего признания Императора. Ведь именно этого, несмотря ни на что, желал Гучков... вплоть до полного своего разочарования в Августейшей фамилии глубокой осенью 1916 года.

Глава 7

1915 год, 12 июня. Петроград

Разговор Меншикова с Гучковым имел самые далекоидущие и решительные последствия. Уже на следующий день «свободная пресса» начала мягкую атаку по всем фронтам.

Ну как мягкую?

Никаких прямых обвинений поначалу не звучало. Просто народу рассказывалось о некоторых «славных» людях. Например, был опубликован «послужной список» на генерала от инфантерии Рузского. Никаких выводов. Просто констатация фактов, из которых путем несложных размышлений получалось, что приписываемые ему успехи оказывались исключительно достижениями его подчиненных, а вот провалы – следствиями его приказов. То есть получался

редкой «красоты» мерзавцем и полной бездарностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Массовое внедрение мотоциклов в армию произошло именно в годы Первой Мировой войны, а не, как принято считать, во Второй. Благо, что и моделей, и объема производства вполне хватало. В данном случае применялись мотоциклы с колясками.

2

Егерь в данном случае – это не классический снайпер-охотник, а меткий стрелок, действующий непосредственно в боевом порядке подразделения. То есть марксман. Вооружен карабином с оптическим прицелом.

3

Имеются в виду QF 6-pounder Hotchkiss, серийное производство которых с 1905 года налажено на Обуховском заводе. К 1911 году сняты с вооружения и

списаны на берег, где пытались применяться хоть как-то, хоть где-то.

4

Имеется в виду семейство 87-мм пушек образца 1877 года, снарядов к которым было в достатке.

5

Стандартный германский полк по штатам 1913 года включал три пехотных батальона и пулеметную роту. Времена полковой артиллерии еще не наступили.

6

После многочисленных подарков, поднесенных по случаю чествования Максима Меншикова в ноябре 1914 года и свадебных подарков в январе 1915 года, получилась очень приличная сумма денег. Достаточная для того, чтобы перекрыть без проблем все расходы комплектования и оснащения усиленного отдельного эскадрона.

7

Германия только 40 лет назад фактически силой оружия смогла объединить северные германские государства, а Австро-Венгрия разрывалась национальным вопросом в клочья уже давно.

8

Русские немцы, даже самоотверженно сражавшиеся на фронте, могли попадать под дискриминационные законы и лишаться имущества, а их близкие высылались в лагеря и поселения. Под удар попали все – от простых подданных до самых высокопоставленных чиновников. В результате немцы, даже изначально жаждущие победы России, стали проводником и сторонником всех сил, стремящихся уничтожить Империю и дом Романовых. Именно русские немцы, наравне с русскими евреями, и стали тем фундаментом, на котором зиждилась народная поддержка оппозиции властям. Любая.

9

В первом томе они ошибочно были названы Великими князьями, но они являлись князьями Императорской крови, а не Великими.

10

ЭБР типа «Андрей Первозванный». Водоизмещение 17320/18590 тонн, длина 140,2 м, ширина 24,4 м, осадка 8,5 м. Вооружение: 4 орудия 305-мм/40, 14 орудий 203-мм/45, 12 орудий 120-мм/45, 2 десантные 63-мм пушки и 4 37-мм орудия.

11

Канонерские лодки типа «Гиляк II». Водоизмещение 990 тонн, длина 65,5 м, ширина 10,97 м, осадка 2,13 м. Вооружение: 2 орудия 120-мм/45, 4 орудия 75-мм/50 Канэ и 3 7,62-мм пулемета «Максим».

12

В 1923 году Екатерининский канал переименовали в канал Грибоедова.

13

Османская Империя в 1914 году так и не вступила в войну из-за обстановки на фронтах. Поэтому доставка морем в один из портов Черного моря с последующей переправкой по железной дороге была вполне реальной и довольно быстрой.

14

Из Rolls-Royce получались одни из лучших броневедомостей Первой Мировой войны.

15

Инерция и предубеждения по внедрению сварки были невероятны. Ну и проблемы с армиями рабочих-клепальщиков.

16

Сталь Гадфильда - содержит 11— 4,5 % марганца и 0,9-1,3 % углерода. Отличается высоким сопротивлением износу при больших давлениях или ударных нагрузках. Из-за чего, в том числе в годы Первой Мировой войны, шла

на изготовление британских пехотных касок. Производство стали началось в 1882 году в Великобритании.

17

Мария Николаевна вступила вmorganaticкий брак с графом Строгановым, а Елена Григорьевна так и вообще пригуляла Максима на стороне, породив бастарда. Такое крайне не приветствовалось у аристократии.

18

Бова Королевич – популярный фольклорный образ в России с XVI по XX век. Происходит из французской поэмы XV века *I reali di Francia*, четыре из шести книг которой посвящены *Vuovo de Antona*. Ее привезли в Россию, перевели, и она так пришла по вкусу нашим людям, что на протяжении четырех веков порождала массу фольклорных и литературных текстов, развивающих первоначальную франшизу.

19

Пластинки в те годы были достаточно короткими. Самые долгоиграющие позволяли сделать запись продолжительностью до пяти минут.

20

С латыни *maximus* переводится как «самый большой, величайший».

21

Так как применялась марганцевая сталь Гадфильда, то выколотка проводилась с прогреванием участков паяльной лампой на механических кузнечных молотах.

22

Он остановился на СШ-36, но без гребня. Добавив к нему массу приятных новшеств из будущего, например подвеску типа парашют, Y-образное крепление подбородочного ремня и многое другое. Почему Максим взял не каску Адриана? Потому что она имела чудовищно низкую технологичность. Почему не каску Броди? Из-за бестолковости. Почему не германский Stahlhelm? По идеологическим соображениям, не забывая о рефлексиях читателей.

23

Эпоха промышленной штамповки стальных изделий началась в 1846 году с производства первого парового прессы. К 1914 году горячая штамповка стальных изделий применялась уже массово. Эра холодной штамповки наступила в 1930-е годы с массовым внедрением электрических печей в черную металлургию и серьезного повышения качества стали.

24

20/80 – 20 % усилий дает 80 % результата, остальные 80 % усилий дают еще 20 % результата.

25

Здесь идет намек на то, что дед Николая II – Александр II, в 1880 году обвенчался со своей любовницей морганатическим браком и чуть было не сделал рожденных ею бастардов (ибо вне брака) наследниками престола. Из-за чего мать Николая II – супруга Александра III – испытала чудовищные волнения за будущее своих детей. Так что бастарды были для нее словно красная тряпка для быка.

26

Это настоящее прозвище Николая Николаевича младшего, данное ему еще до начала войны сослуживцами. Очень поганое прозвище, надо сказать, потому что в данном случае «Лукавый» употребляется в значении Дьявола, которого тоже называли Лукавый. Всплеск популярности Ник Ника был связан с битвой в Галиции и официальной пропагандой, которая сделала его ее героем и автором. В остальном же в армии его не столько любили и уважали, сколько боялись и тихо, молчаливо презирали.

27

Имеется в виду патрон 351 Winchester Self-Loading от самозарядной винтовки Winchester Model 1907.

28

50 в день это 18,25 тысячи в год, 300-400 в день это 109,5—146 тысяч.

29

Максим в данном случае применил штампованный кожух, позаимствованный от ППШ-41.

30

В данном случае речь идет о егерском карабине, а не о легком самозарядном. Сделан на основе винтовки Маузера. Ствол укорочен. Установлен оптический прицел. Установлен дульный тормоз-компенсатор. Полностью переделано ложе, теперь карабин имеет регулируемый трубчатый Т-образный приклад и пистолетную рукоятку. Оснащается отъемными коробчатыми магазинами на 10 патронов. Все переделки штучные, так как количество таких карабинов нужно очень небольшое.

31

Сконструированная все тем же Гра. Лебель же разработал патрон и проводил армейские испытания.

32

Имеется в виду не только саму винтовку, но и патрон для нее.

33

Жан Ланн (1769–1809) был самым выдающимся вое-начальником блестящей наполеоновской плеяды. Отважный, прямой, резкий, он заслужил почетное прозвище Ролана французской армии.

34

«Невозможно» – слово из словаря глупцов» – это одна из наиболее громких цитат Наполеона Бонапарта.

35

Здесь идет отсылка к постулату, озвученному в конце первого сезона сериала «Проповедник».

Купить: https://telnovel.com/lancov_mihail/bezumnyy-maks-rotmistr-imperii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)